

АННА МИРАЛЬД

ЦАРЕВНА-КВАКУШКА
ИЛИ
УМОМ ТОГДИ НЕ ПОЊАТЬ

Анна Миральд

**Царевна-Квакушка, или
умом топи не понять**

«Автор»

2026

Миральд А.

Царевна-Квакушка, или умом топи не понять / А. Миральд —
«Автор», 2026

А вы никогда не задумывались...Почему стрела Ивана-царевича угодила именно в болото? Зачем лягушке, хладнокровной обительнице болот, понадобился царский венец? И почему именно младший сын царя, последний в очереди к трону, стал её суженым? Может быть, за знакомым фасадом скрывается совсем другая сказка? Сказка о Большой игре «безнадёжного» царевича и совсем непростой квакушки? Сказка, где ставка — трон, а приз — будущее двух государств, которым «умом друг друга не понять»? Готовы заглянуть под покрывало любимой с детства истории и открыть её для себя заново?

© Миральд А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	13
Глава 5	15
Глава 6	17
Глава 7	19
Глава 8	22
Глава 9	25
Глава 10	27
Глава 11	30
Глава 12	33
Глава 13	35
Глава 14	37
Глава 15	40
Глава 16	42
Глава 17	45
Глава 18	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Анна Миральд

Царевна-Квакушка, или умом топи не понять

Глава

Царевна-Квакушка, или Умом топи не понять

А вы никогда не задумывались...

Почему стрела Ивана-царевича угодила именно в болото? Зачем лягушке, хладнокровной обительнице болот, понадобился царский венец? И почему именно младший сын царя, последний в очереди к трону, стал ее суженым?

Может быть, за знакомым фасадом скрывается совсем другая сказка? Сказка о Большой игре «безнадежного» царевича и совсем непростой квакушки? Сказка, где ставка — трон, а приз — будущее двух государств, которым «умом друг друга не понять»?

Готовы заглянуть под покрывало любимой с детства истории и открыть ее для себя заново?

Глава 1

Василиса

— Не хотят по-хорошему? Я на них кикимор с болотниками напущу! Лобаст! Чтобы впредь к моим Топям шагнуть боялись!

Я в ярости швырнула золоченый кубок в стену. Он отскочил с глухим стуком и закатился под стол, за которым сидел, попивая рясковый настой, Кошей Бессмертный. Тот даже бровью не повел.

— Посмотри! — яростным взмахом руки я указала в окно, за которым простирались мои владения. — Просто посмотри, до чего эти ненасытные утробы мои Топи довели! Раньше здесь пели лягушки, а теперь молчат. Молчат, Кошей! Потому что воду из-под них выкачали, чтобы царь их обнаглевший мог в своей купальне плескаться! Там, где цвели кувшинки, теперь грязь да торчащие коряги. Мои болотные огоньки едва светятся, им нечем питаться! Они бессовестно высасывают последние соки из моей земли! А нам высохшую корку оставляют!

Моя грудь вздымалась, в висках стучало. Я готова была сейчас разнести все в щепки.

Кошей медленно поднял на меня свой невозмутимый взгляд, полный древнерусской тоски.

— Кикиморы с болотниками, — произнес он, растягивая слова, — хочешь устроить царю болотный бунт, бессмысленный и беспощадный? Шумно, кровопролитно и абсолютно бесполезно. Ты вырежешь одно его войско — Еремей пришлет два. У него людей, как сорняков на грядке. Только сам он впереди на белом коне не поскачет, бояр тоже не пошлет. Что в итоге? Простых ратников меньше станет, а торгашей и воров не убавится. Может быть, твои кикиморы бессмертными за последнюю тысячу лет стали? Или думаешь, что одумаются от твоей ярости и грабить тебя перестанут? Их умом наши Топи не понять, Василиса. Им до твоих душевных терзаний и дела нет. У них логика прямая, как царский тракт. Забрали ресурс — получили богатство.

Его сухой бесстрастный голос вонзил эти слова в мое сердце острее самого острого ножа. Он был прав. Они никогда не поймут нас. Ни меня, ни моих Топей.

— Зато они узнают, каково это — когда за будущее свое страшно!

— Не путай глупость с коварством, — отрезал Кошей. — Они и так знают. Именно поэтому и отнимают — что завтрашнего утра не видят. Победить Еремеево царство силой мы не сможем, ее не хватит, а вот поменять правила игры — легко.

Я чуть не задохнулась от возмущения. Вот всегда так! Я ему про корову, он — про молоко.

— И что ты предлагаешь, свергнуть царя? А если на его место хуже придет? Тот, кто еще сюда загребуки свои не запускал. Мне опять надо будет вежливо попросить так не делать? Просила уже! Мне в ответ посоветовали Топи осушить, им, видите ли, тракт через них хорошо б проложить! — со злостью стукнула я кулаком по столу.

Кошей наконец-то сдвинулся с места. Подошел к окну, и его темный силуэт заслонил унылый пейзаж.

— Просить — удел слабых, Василиса. Требовать — право сильных. Истинная сила не в том, чтобы запугать, а в том, чтобы заставить себя уважать. Тогда и служить не ты будешь, а тебе.

— Ты только что сказал, что мне его не одолеть!

— Не можешь победить, тогда примкни и возглавь! — отрезал Кошей и на мгновение замолчал. Затем холодно доложил: — Царь Еремей решил, что старому дубу пора падать. Завтра его сыновья пустят стрелы — искать суженых.

— И что с того? — выпалила я, все еще кипя. — Пусть ищут.

— А то, что старший сын, помяни мое слово, стрелу в боярский двор пустит. Ему сейчас, чтобы у власти остаться, поддержка знати нужна. Средний — в купеческий, ему власти не видать, старший к ней не подпустит, а деньги всегда в кармане будут. А вот младший Иван... говорят, совсем дурак: интриг не плетет, сплетен не распускает, казну государеву не потрошит. На дочерей знатных да богатых семей и не смотрит, ни одного просящего в боярский приказ не пристроил... Сидит в своих хоромах, в бирюльки с утра до вечера с подьячими играет. Говорят, совсем у Еремея на него надежды нет. Иван твердит, что Боги знают, кого ему в суженые давать, и на той женится, что стрелу его поймает.

В его голосе прозвучал знакомый мне тон. Тон, которым он обычно предвещал что-то гениальное и абсолютно аморальное. До меня начала доходить его циничная и одновременно гениальная идея. Сердце екнуло — уже не от ярости, а от внезапно забрезжившей возможности.

— Ты предлагаешь мне... его стрелу поймать? А что мне с таким дураком делать-то?

Он обернулся, и в его давно угасших глазах мелькнула знакомая искра азарта.

— Дурак иль не дурак, а царского рода-племени, доступ в царские палаты имеет, да и супруга его рядом будет... Дальше не мне тебе советы давать — твоему коварству сама Мара позавидовать может.

Я закрыла глаза, все еще чувствуя на губах солоноватый привкус собственной ярости, но теперь у нее появилась цель. Ради своих подданных и своей земли я пойду на все.

— Благодарю, Кощей, за совет, — тихо сказала я, открывая глаза. — Посмотрим, сможет ли его стрела справиться с моей силой.

Мы вышли к Истоку Топей. Я не стала творить сложных ритуалов. Просто протянула руки к дремлющему на поверхности туману, и он, послушный, пополз к моим ногам.

— Слышите? — негромко обратилась я к Топям. — Они жаждут вашего последнего дыхания, последних даров. Так подарите же им меня.

Туман у моих ног взметнулся, закрутился и, словно живой, умчался в сторону Тридевятого царства.

Я стояла, сжав кулаки, и коварная улыбка тронула мои губы.

— Ну что, Кощеюшка, начинаем войну за жизнь? — усмехнулась я. — Как только младший царевич сюда заявится, я его со стрелой и радостью встречу. Заодно и ум его оценю.

— Осторожнее, квакушка, — послышался сзади сухой смешок. — С медведем дружись, а за топор держись.

— Тут я уже ученая. Не бойся, из рук его больше не выпущу, — бросила злорадно в ответ. — Мне есть за что биться, Кощей Трипетович.

Мой верный помощник едва слышно усмехнулся, но знал, я не подведу.

Глава 2

Иван-царевич

Леший бы побрал эту традицию со стреляной невестой! Царя-батюшку с его идеей женить всех и сразу. Невестин смотр, ненасытных и ленивых братцев, что только пировать да казну пустошить умеют. Я отмахнулся от очередной ветки, царапнувшей лицо, и злорадство сменилось раздражением. Ну, Бабуся-Ягуся: «Стрела твоя ни в кого не попадет, пропадет в самом глухом лесу». И ведь ни словом не обманула! Хорошо стрела пропала, захочешь найти — не найдешь. Как теперь ее царю предъявлять, что не попал ни в кого? Одно дело криворуким ославиться, другое — растяпой.

Ругаясь на чем свет стоит, я еще долго продирался сквозь заросли и наконец вышел на полянку с тухлявым пеньком в центре. Ноги с непривычки хождения по бездорожью ныли и без спросу потащили меня к пню. Но пройти желанные пару шагов мне не дали вылезшие из земли корни, через которые я благополучно чуть не растянулся. Следом, словно в насмешку, раздался птичий мат и звериное клаянье за кустами.

— Не трудись, хозяин, пугать, — громко молвил я. — Не злой человек пришел, а с гостинцами. Баба-Яга учила на твоей полянке их раскладывать, а ты дойти не даешь.

Я демонстративно залез рукой в котомку и достал большой сверток с пирогом и сладостями. Крики и шум прекратились, и на поляну вразвалочку вышел сам хозяин леса.

— Ну, здорово, Иван-царевич, — проскрипел Леший. — Чего забыл в моем доме? Погибели ищешь? Так это мы со всем радушием пожалуем. Голодных да злых тут за последнее время больно много стало. Глядишь, подобреют с обеда-то.

Старичок остановился у кромки поляны и, по-хозяйски выпятив грудь, нагло на меня уставился.

— Стрелу свою ищу, дедушка, — спокойно ответил я, не поддавшись на провокацию. — Ты не видел?

Хозяин леса покачал головой, но его взгляд оставался все таким же пронзительно-подозрительным. И этот взгляд мне не нравился, как и сказанное в мою сторону.

— Жаль. А с чего это в таком большом да богатом лесу голодать начали? — невзначай поинтересовался я, посмотрев на Лешего с прищуром.

Тот скрипуче хмыкнул и брезгливо бросил:

— А то ты сам не знаешь.

От такого ответа я слегка опешил.

— Не знаю. Расскажешь?

— Нет. Плохо дела делаешь, раз во главе сидишь, а под ноги не смотришь. А труд тебе облегчать — не моя забота, — в голосе Лешего чувствовалась не злость, а обида, что меня совсем в ступор ввела. — За гостинец благодарствую, но задерживаться не советую. Твоими пирогами особо не наешься. Яге при встрече привет передавай, да сапоги береги. Сколь дорог пройти придется, только Макоши¹ ведомо. А они у тебя уже каши просят.

Леший хмыкнул, и лес разразился многоголосым смехом. В душе поднялась досада, но спорить с Хозяином леса в его же доме было неумно. Я молча поклонился и направился дальше в путь.

— За туманом иди, Иванушка-дурачок, — прилетело смешливое мне в спину, и лесной шум стих.

¹ Богиня Судьбы у восточных славян, Великая Пряха судеб.

Гнев за колкость полосонул сердце, но, опустив глаза вниз, я разглядел тонкую струйку низко стелящейся дымки и... свои порванные на носах сапоги. Кровь от стыда прилила к лицу, а злость мгновенно улеглась. Леший прав. То же мне царевич в драной обуви. Хотя мой потрепанный вид вполне соответствует тому месту, по которому я иду уже второй день: речки пересыхающие, дороги разбитые, избы покосившиеся. Смущали и любопытные взгляды жителей, для которых даже мой простой кафтан богато смотрелся.

Я, конечно, догадывался, что не все наши земли богаты, но чтобы настолько... Шел я, а сердце ныло пуще ног. В столицу-то нам докладывали, будто в царстве все гладко да богато. Оказывается, лубочные картинки вместо правды присылали. Ну, черти, погодите, вернусь я в царский терем, не отвертитесь от дыбы.

Стрела... Где же, черт побери, эта стрела?

Воздух стал влажным, запахло прелыми листьями и чем-то древним, болотным. Сердце Топей — место, о котором в столице говорят, как о гиблом, полном нечисти. Вот это меня занесло туманом! Я остановился у кромки тихого болота и невольно залюбовался его красотой: переливающейся изумрудом тиной на скользких камнях, странными бело-розовыми цветами, светящимися в сумерках, неторопливыми стрекозами над водной поверхностью.

«Интересно, сейчас меня распекать за драные сапоги водяной вылезет или русалки с кикиморами засмеют?» — мысленно усмехнулся я, стараясь не издавать лишних звуков и не призывать местную нечисть.

Но тут я увидел сидящую недалеко от края трясины на большом листе крупную лягушку. Она смотрела на меня такими насмешливыми глазами, что я аж опешил. А перед ней лежала... моя стрела.

Я не двигался. Даже забыл, как дышать. В голове было только два вопроса: «Лягушка? Боги, да вы шутите! Как я это отцу объясню? Жениться на болотной твари...» Все же ржать будут. Особенно братцы старшие. У них ума на толк нет, а на дурость — целая палата. Хотя мне такое только на руку. Хотя... стоп. Лягушка — это дар Богов! С ней отец с братьями окончательно махнут на меня рукой.

Квакушка терпеливо ждала. А я, мысленно поблагодарив Богов за подношение, вернулся к своей роли Иванушки-дурачка.

Глава 3

Василиса

«А вот и мой суженый», — громко и радостно квакнула я, чтобы услышал гость долгожданный. Получилось: Природа-матушка откликнулась на мой зов, привела.

Подошел добрый молодец, увидел стрелу — а с ней и меня, квакушу. Так и обомлел, словно невидаль какую узрел. Уста разинул, очи выпучил. Ляпота! Главное — не засмеяться, а то не кваканье, а бульканье выйдет.

Пока царевич-то в себя приходил, я его дотошным взором окинула. Ладный такой, пригожий. Хоть и приятный на первый взгляд, только все же недруг он, что мою жизнь со своими родственниками портит. Не за тем я тут рассиживаюсь, чтобы всякими любоваться. Надо его к рукам начать прибирать. Вздохнула, попыталась улыбнуться.

То ли молодец не понял, то ли улыбка моя квакушья неприветливая получилась. Мне бы вдругорядь огорчиться, но вместо обиды во мне злорадство проснулось: «Ну что, царевич, возьмешь в жены лягушку? Иль стрелу свою бросишь да сбежишь?»

А он стоял, словно пень. Может быть, и впрямь умом не вышел...

— Вот какую красу судьба-Макошь на болоте спрятала, — на лице его досада с недоумением замерли, а потом будто растаяли, сменяясь широкой, чуть глуповатой улыбкой. Просветление что ли накатило? Словно что-то важное про себя да про меня надумал. Присел добрый молодец передо мной:

— Лягушка-квакушка, отдай мне стрелу, она суженой моей уготована, — так ласково попросил он, словно с юродивой разговаривал.

Разбежался! Не для этого я туманы по твоему следу пускала.

— Раз твоя стрела в моих лапках, значит, я твоя суженая и есть, — так же ласково ответила я и сделала самые круглые и наивные глаза, на какие была способна в лягушачьем облике. Пусть думает, что перед ним простушка. Царевич от неожиданности дернулся, едва равновесие не потеряв. Интересно, что его так поразило: моя наглость или умение разговаривать?

— Ты речь человеческую знаешь?

Тьфу ты, бестолочь царская. Вдох-выдох. Играй, Василиса, играй!

— Конечно. Да ты не смотри на мой облик, возьми с собой, я тебе пригожусь.

— Чем же? Комаров да мошек от меня отгонять будешь? — подмигнул Иван, а у самого в глазах чертики так и прыгали. Знать бы, с чего он так расслаился?

— А чем не помощь? Ты дела делать станешь, а я удобство обеспечу. В твоём доме всегда будет спокойствие да забота! По рукам? — добавила я, вспомнив свою цель.

— Ну раз так, что ж. Видно, Доля² моя такая... болотная. Ей виднее, раз тебя суженой нарекла. Ну что, милая квакушка, пойдешь со мной в царский терем?

Вот это да! И ни одного дурного слова, к которым я уже мысленно приготовилась. Как-то я наш переговорный процесс по-другому представляла: с уговорами с обеих сторон, с обидами на несправедливость. А тут все произошло так быстро и неожиданно, что мой заранее приготовленный сценарий с долгими уговорами полетел в тартарары. Пришлось быстро возвращаться в роль жизнерадостной дурочки.

— Ква-а-а! — радостно проквакала я, подпрыгивая на листе кувшинки. — Пойду, милый суженый! Только чего это ты меня в царский терем зовешь? Неужели служба у тебя там?

² Доля – дочь Макоши, олицетворяла счастливую судьбу и удачу. Изображалась с поднятой правой рукой, символизируя светлые стороны жизни.

— Служба, — усмехнулся Иван, а губы на миг словно от досады поджал. Затем достал из кармана небольшой платок из добротной льняной ткани и мне протянул. — На нем поедешь, если не брезгуешь. Будешь, на плече моем сидеть, виды рассматривать. Ни птицы, ни ветки лесные не обидят.

Осторожно, почти нежно, он меня поднял. Я замерла. Не поднял за лапку, не швырял на уготованное место, а устроил с комфортом. И кто такой не признался, службой отговорился. «Занятный ты, Ванюша, молодец... Оценила я твой ход», — хмуро подумала я, укладываясь поудобнее.

Он тронулся в путь, и я притихла, разглядывая окрестности и обдумывая увиденное. Шел царевич легко, его уверенный взгляд постоянно скользил по сторонам, а глубокие складки на лбу говорили о том, что он много и долго думает. Мы двигались в сторону царства, и молчание затягивалось.

— А далеко ли до твоего терема, суженый? — осведомилась я, делая вид, что мне просто скучно.

— Не близкая дорога, успеешь даже выспаться, — произнес он, и я заметила, как глаза царевича на мгновение сузились. Интересно, о чем он думает?

Ладно, первый пристрел мимо.

— Суженый, а в твоём тереме комары водятся? — проквакала я своим самым наивным голоском. — А то без этой вкусности еда для меня пресная.

Иван со смехом фыркнул.

— Боюсь, квакушка, комаров там не водится. Разве что мошки придворные, но они вряд ли вкусные. А ты, я смотрю, разборчивая.

— Я много чего разбираю, — не подумав, выпалила я и тут же спохватилась. — Ква! То есть... разбираюсь в том, что вкусно, а что — не очень.

Иван кивнул и опять в свои мысли погрузился.

— А у вас здесь, в Топях... как-то все по-настоящему, спокойно, — произнес Иван неожиданно, когда я от мерности его шага придремать успела. — Светло. Птицы душевно поют.

От удивления мои зеленые щеки аж раздулись до боли. Ни один житель Тридевятого царства никогда не говорил так о Топях. Только как о «гиблом болоте».

— Ага, — с трудом выдавила я. — Только они сейчас не поют, а ругаются. Вон та зябличка жалуется, что опять охотники ее гнездо разворотили, что надо новый лес искать или Хозяйке рассказать, чтобы никого больше сюда не пускала.

Иван замер на месте и вперил в меня глупо-удивленный взгляд.

— Ты понимаешь, что они говорят?

«Я ж Владычица, мне положено их понимать», — мысленно фыркнула я в ответ, но вслух сказала другое:

— Ква! Ну я ж болотная, мы тут все друг друга понимаем! Топи — не Тридевятое царство, наш язык вашим умом не понять. Тут разуметь надо.

— А что Хозяйка сделает с такими охотниками, если они и впрямь ей пожалуются?

«Лешего с лесавками напускает для мер воспитательных», — про себя ответила я.

— Смотри что те натворить успевают. Она у нас строгая, — гордо произнесла я.

— Слышал, но не видел, — задумчиво усмехнулся Иван, и в его глазах интерес загорелся. — Слушай, а ты знаешь, как она выглядит? Говорят, старая да злая, от того что на болоте одинокая. Даже имя из-за этого ото всех скрывает.

Я чуть глаза свои огромные лягушачьи от таких слов не выронила. Правду Кощей сказал, что Иван — дурак. Он не просто дурак, а совсем без царя в голове! Мне, конечно, давно не двадцать лет, но для урожденной чародейки я очень молода! «Старая и злая от одиночества»? Ну-ну, Иванушка! Ждет тебя большое удивление, а слова свои безумные ты назад уже не воротишь.

— Не слушай, суженый, кривду. Владычице много лет, это правда, но злобы от нее еще никто не видел. Справедливость она очень любит и честность, — холодно ответила я. — Она — дочь Природы, ее и беречь старается. Обидевших матушку, совестливо наказывает.

— Это как? — опешил царевич, а в его глазах плескалось явно не праздное любопытство.

И меня прорвало. Притворство куда-то улетучилось, и я заговорила, чувствуя, как холодеют мои лапы от гнева и обиды.

— А вот как! Когда люди лес не уважают. Брать берут, а почета не оказывают, долги не возвращают. Деревья рубят без меры для дохода да удобства, а новых не сажают. О своем доме думают, а о лесных обитателях нет. Дубы лесорубы порубили, бельчат без дупла оставили, птиц без гнезда. Из рек носят чистую воду, а обратно грязь льют, — мой голос с каждым словом леденел, лапы от боли за подданных сжались. — Вот за такое и наказывает. В чужой дом с совестью ходить надо да со стыдом, чтобы дел не наворотить.

Под конец моей речи царевич сильно нахмурился, на лбу складка глубокая пролегла. Дурак, а задумался. Значит, не безнадежен суженый мой. Может, человек из него получится.

Иван долго шел молча, а потом тихо свистнул.

— Ох... и не в загадки тут играть, а законы учить надобно, я погляжу. — Он покачал головой с наигранным удивлением. — Ладно, буду с тобой, квакушка, в слова играть. Глядишь, чему-нибудь и научусь.

Я посмотрела на него долгим взглядом, ища подвох, но в невинном ответном взгляде им и не пахло.

— Конечно, суженый, думаю, скучать нам в твоём дворце не придется. Разве не моя забота ублажать да развлекать своего нареченного? — вернулась я в свою «глупую» роль.

— Наверное, — усмехнулся он без злорадства. — Только ты готовься: в царском тереме любят посмеяться.

— Не переживай за меня, суженый, — мягко произнесла я, чувствуя напряжение в его руках. — За глупым смехом обида не прячется. Да и как меня обидеть можно, если я существо безмолвное да глупое? — подмигнула царевичу. — Только от мошек тебя защищать и смогу.

Он посмотрел на меня долгим, изучающим взглядом. В его глазах плясали азартные искорки.

— Это ты хорошо придумала. Будешь у меня жить, да пользу приносить. Полезная ты, квакушка.

«Это да, Ванюша. Полезть в ваши дела — это как раз моя цель», — мысленно парировала я.

Нес царевич на плече свою судьбу и даже не подозревал об этом. Говорят, муж — голова, а жена — шея. Что ж, моему будущему Голове предстоит научиться смотреть в нужную сторону. А я, Шея болотная, ему в этом помогу.

К следующему полудню мы вышли из леса на холм. Вдали показались златоверхие терема Тридевятого царства.

Глава 4

Иван-царевич

Вот и добрались. А квакушка, на удивление, удобная — власти не просит, хочет молчаливой и полезной быть. Хороший исход стрельб вышел. Даже лучше, чем я рассчитывал. Если б вышло, как задумывалось, то царь-батюшка все равно бы не отстал, еще раз стрелу пускать заставил в дальние земли, чтобы подальше от глаз своих меня сплавить. А вон как все замечательно повернулось: и женюсь, и из терема не выставит. Некуда.

Я приостановился у ворот, чувствуя, как на плече ерзает квакушка.

— Ну что, суженая моя болотная, готова к новой жизни в царском тереме? Здесь все, что хочешь, по твоему желанию сделают: хоть пруд выроют, хоть избушку по заказу поставят.

Лягушка повернула ко мне лобастую голову и то ли прищурилась, то ли нахмурилась.

— Готова, суженый. Только вот не поняла: мы с тобой не вместе жить будем? Тебе стыдно за меня? Тогда зачем нес? Оставил бы на болоте.

Она сказала это с такой обидой, что мне не по себе стало.

— А чего мне стыдиться? С волей Богов не спорят. Да и вон какую знатную суженую они мне подобрали. Ни у кого такой нет. Прямо мне под стать, — разулыбался я, сглаживая досаду. — Ты бы лучше сказала, как величать тебя, а то введу тебя в палаты, а как представить — не знаю.

В ответ раздался тихий, насмешливый голосок:

— Пусть буду Василиса я. Запомнишь?

— А чего ж не запомнить? — опешил я. — Имя вроде не сложное. Я Иван.

— Не царевич, часом? Тот, которого все дурачком зовут?

Я едва не поперхнулся. Вот так наглость! Интересно, как она догадалась?

— Ну, Василиса, может, я и дурачок, зато память у меня хорошая — раз запомнил, уже не забуду.

«И запомнил, и приметил. Говорящая лягушка, которая знает мое прозвище... Что я упустил или где прокололся?»

— Не держи обиду, Иванушка, — ласково боднула меня в щеку лягушка. — Я ж не со зла. Ты сам говорил, что Боги тебе пару под стать подобрали. Может, мы и не блещем умом на людях, зато сердца у нас добрые, да души чистые. Вот и будем жить, никому не мешая, в свое удовольствие. Какая из нас пара загляденье получится!

Я с легкой досадой посмотрел на квакушку, но доброта в ее глазах смягчила мое раздражение. Выдохнув, только кивнул ей и направился в тронную залу, где меня наверняка с нетерпением ждали.

В предвкушении, как братья загогочат при виде моей зеленой невесты, я переступил порог тронной залы, но царь не дал мне и слова сказать.

— Ну что, Иванушка, — церемонно начал он, а в глазах восторг горел. — Стрела твоя, говорят, в Топи угодила. К Повелительнице той самой, болотной.

Я внутренне напрягся. Вот оно... Сейчас начнется.

— Какая удача нам всем, — довольный отец развалился на троне, словно делал мне величайшую милость. — По моей царской воле женись на ней.

В зале повисла тишина. Даже братья перестали перешептываться, а по моей спине пробежал холодок. Его решение перечеркивало все мои планы.

— Женись, — повторил царь с хищным блеском в глазах. — Она там одна правит. Мужа нет. Сядешь с ней на престол — и Топи наши будут. Все богатства, все дары ее земли. И нам эти вечные уговоры ни к чему. Возьмем все разом. Польза царству будет немалая.

В ушах зазвенело. В голове всплыли картины: высохшие речки, покосившиеся избы, усталые лица. И квакушкины слова: «Она — дочь Природы, и ее беречь старается».

«Так вот ты какая, „польза царству“... Просто забрать все». В памяти всплыл гнев моей суженой про дома белок и птиц, про совесть и справедливость. Она права, так нельзя. Если все забрать сегодня, что на завтра останется? Но пойти против царской воли — значит отправить себя на дыбу.

Я медленно поднял глаза на отца, стараясь не слушать гневное дыхание Василисы.

— Батюшка, — спокойно заговорил я, взвешивая каждое слово. — Тебе правду доложили, стрела моя в Топи попала. Но ты сам знаешь, не дали мне Боги ума власть в руках держать. А Владычица та уже давно правит. Боюсь, она своей властью со мной делиться не станет. Тенью своей назначит, мужем только для статуса.

Царь Еремей фыркнул, махнув рукой.

— Совсем ты Иван — дурак. Тебе главное — жениться. Остальное мы за тебя сделаем. Против нас она не выступит, силенок не хватит, а перечить начнет, устраним. Дело-то житейское. Наследников с нее не спросишь. На другой потом женим. Главное — Топи в казну прибрать.

В груди у меня все похолодело. «Устраним».

Я глотнул воздух, чувствуя, как почва уходит из-под ног. Мой гениальный план с идеальной маскировкой внезапно обернулся игрой с огнем, где ставкой была чья-то жизнь.

— Что ж, батюшка, — выдавил я, стараясь, чтобы голос не дрогнул. — Твой план дальновидный. Только Макошь все по-своему решила, — я повернулся к застывшей на моем плече квакушке. — Вот моя суженая. В ее лапах стрела моя была. Я поперек воли Богов не пойду и тебе не советую.

Царь подскочил на троне. Глаза его гневом запылали, кровью налились. Руки до треска подлокотники сжали.

— Что? Ты, юродивый, мне, царю, грозить будешь?! Богами пугать? Где они и где я! Сказал: женишься на старухе болотной, значит, женишься. А лягушку свою вон в короб стеклянный положи, воды налей, пусть сидит гостей развлекает. Я все сказал!

Не успел я и звука ответного вымолвить, как в тронном зале такой грохот раздался, что стены дрогнули, а на царя щепки мелкие посыпались. Тот онемел и застыл словно каменный.

У меня язык тоже к небу от неожиданности приклеился. Неужто Боги нас слышат? Или это...? Я подозрительно посмотрел на свою ношу.

Глава 5

Василиса

«Ну, Еремей! Хочешь прибрать мои Топи к своим жадным ручищам? Попробуй. Смотри, как бы твоя казна моими Топями не стала! А то уж больно ты широко рот на чужой каравай раззявил. Придется тебе узнать, как болезненно проглатывать то, что плохо прожевал». Я подняла глаза на потолок тронного зала и мысленно злорадно улыбнулась. Напросился Еремей на напоминание, что у него над головой не только золоченые своды, но и небо. И мне оно подчиняется куда лучше, чем ему его же ненасытные бояре.

Первое громкое предупреждение и ошалевшие лица царя и его сыновей потешили мою душу. Правда, не настолько, чтобы поверить в их резкое перевоспитание. Интересно, как Иван на такое представление отреагировал? Быстро убрав с лица мстительное выражение, я перевела «испуганные» глаза на царевича и натолкнулась на слишком прозорливый для дурачка взгляд. Или мне показалось?..

— Что это сейчас произошло, Иванушка? — очень тихо прошептала я, изо всех сил изображая сильное волнение.

Тот едва заметно пожал плечами и тут же вернул свое внимание царю.

— Колдовство в моих палатах? Это ты что ли, юродивый, накликал? — прошипел красный от гнева Еремей.

— Что ты, батюшка. Отродясь у меня не было сил потолки трясти. Думаю, это Макошь недовольна, что ты ее дар в короб стеклянный собрался посадить. Не след Богине Судьбы перечить, — и такой наивной дрожью в голосе произнес Иван, что я в очередной раз поверила в его умственную недалекость.

Еремей, все еще бледный от испуга, выпрямился, пытаясь вернуть себе царственный вид, но страх в его глазах уже сменился ехидным предвкушением.

— Раз уж ты так уповаешь на волю Богов, Иванушка, — произнес он, и в голосе зазвучала откровенная усмешка, — так и быть, дам им возможность убедить меня, что их воля разумнее моей. С завтрашнего дня всем моим невесткам задания буду давать. Одинаковые, чтобы Боги не гневались. Кто лучше справится, той своему мужу и державу царскую вручать.

Сердце мое екнуло, но не от страха, а от азарта. «Наконец-то, условие выставил!»

— А коль твоя... квакушка, — он с презрением кивнул в мою сторону, — окажется хуже боярыни с купчихой... Ты отправишься в Топи и женишься на Повелительнице. Такова моя воля.

— А если она справится, царь-батюшка? — с надеждой воскликнул Иван.

— Значит, и впрямь, на то воля Богов, — отрезал недовольный Еремей, а потом не выдержал и зло сплюнул: — Тебе так мужем гадины зеленой и безмолвной быть хочется? Неужто ты настолько на голову слаб? Уйди с глаз моих, дуралей. Первое задание завтра по утру объявлю.

Иван поклонился царю и, покрепче меня прижав, вышел из царских палат.

Я облегченно выдохнула. Получилось. Царевич не поддался отцовскому шантажу, но что дальше будет, большой вопрос. Не отступится Еремей от идеи женить сына-дурака на той, что его царство озолотить может. Значит, надо так все повернуть, чтобы выбора у царя не осталось, кроме как Ивана на мне женить.

Нес меня хмурый суженый долго и молча. Его настроение вполне понятно: выбор-то собой никак не радовал — либо земноводное, хоть и говорящее, либо «старая и злая гримза». Даже немного жаль его стало, но совсем чуточку. Мог бы отказаться от меня, на болоте оставить, а он с собой взял и еще радовался этому.

По возвращении в покои царевича поселил он меня в хрустальную шкатулку, что на его большом дубовом столе стояла.

— Обживайся, осматривайся, Василиса, я пока переоденусь, — устало произнес он и вышел.

Я последовала доброму совету и осмотрелась. Везде удивительный порядок и чистота. Ни пылинки, ни соринки. Мебель деревянная, добротная, без изысков. В чистом окне облака видно, значит, живет высоко. Каждая вещь лежала на своем месте. Бумаги ровной стопочкой, испещренные мелкими аккуратными пометками на полях, кипенное перо в чернильнице без единого грязного пятна, в углу стола — сброшенные вправо счеты. На верхней полке высокого шкафа стояли в ряд... тавлеи и «Мельница»³?

Вопросов мой суженый вызвал в эту минуту немало. Уж слишком такая обстановка с его дурашливым образом не сочетается. Для чего ему такие умные игры?

Додумать я не успела. Из дальних дверей вышел Иван. В домашних мягких брюках, просторной вышитой рубахе он выглядел по-домашнему просто, но в его взоре и движениях сквозила усталость и озабоченность.

Царевич спокойным, размеренным шагом подошел к столу, на котором сидела любопытная я, и молча сел на резной деревянный стул. Откинувшись на спинку, Иван закрыл глаза. Я притихла в ожидании и наблюдении. Лицо моего суженого с каждой секундой расслаблялось, дыхание выравнивалось, казалось, он засыпал. Я осторожно скакнула от него, но Иван, услышав звук, тут же открыл глаза.

— Суженый мой, какие скромные у тебя палаты. Ни украшений золотых, ни ткани парчовой, ни ковров восточных. Чего так? — выпалила я вопрос, не дожидаясь начала серьезного разговора, который буквально отсвечивал в глазах царевича.

Иван усмехнулся и с кривой улыбкой произнес:

— Зачем они мне? Кого дураку удивлять? Да и пыли от них больно много, а я чихаю с нее неприятно.

— Пыль, да, пренеприятная штука. Даже у нас на болоте ее полно. Откуда она берется? Вода вокруг, а все равно от этой напасти не избавиться, — сочувственно вздохнула я и тут же хитро спросила: — Смотрю, у тебя на полках игры занятные стоят, премудрые. Научишь?

Иван непонятно с чего дернулся, бросил мимолетный взгляд на шкаф и сделал округлившиеся глаза.

— Аааа, это не мои, — лениво отмахнулся он. — Царь-батюшка подьячих гоняет, а они тут у меня прячутся да забавляются.

Царевич надолго замолчал, а его пальцы меж тем бессознательно выбивали сложный ритм по столу. Я же всматривалась в его лицо, ища гримаски обмана, но ничего не находила. Внутри какое-то предчувствие скреблось, что не тот Иван, каким казаться хочет, но доказательств предположению не было. Станный он уж очень.

— Знаешь, квакушка..., — выдернул меня из размышлений тихий задумчивый голос суженого, — гром среди ясного неба — это наверняка знак. От Богов... или от кого-то, кто к ним очень близок. Ты как думаешь? — в глубине глаз Иванушки мне почудился явный намек. Или это чужие стены меня сильно подозрительной делают? Надо быть осторожнее и внимательнее с ним. Слишком много загадок он собой рождает.

Что ответить на вопрос, я не нашлась, а вот невинно похлопать огромными глазками и блеснуть золотой радужкой получилось прекрасно.

³ Тавлеи и «Мельница» — старинные стратегические логические игры на Руси.

Глава 6

«Вот же незадача с царской идеей женить меня на Владычице Топей», — я барабанил пальцами по дубовому столу, пытаюсь проанализировать резко изменившиеся обстоятельства.

Мой продуманный план летел ко всем чертям. Вместо уже просчитанной тихой жизни в тени с удобной женой, батюшка решил меня загнать в брак с могущественной и, судя по слухам, старой и злой колдуньей. Но злило даже не это. Я не люблю, когда меня пытаются откровенно использовать, тем более в корыстных и безумных целях. Вот настырный. Даже внезапный грохот не изменил его решения, только отсрочил исход. Интересно, неужто и впрямь Боги вмешались? Судя по «милрой» реакции суженой, она даже если и знает ответ, вряд ли мне его скажет. Да сейчас это и не важно. Надо что-то срочно придумывать.

Мой единственный союзник и потенциальное оружие против замыслов отца сидела передо мной в центре стола и спокойно осматривала новую обстановку.

— Квакушка... Василиса, — обратился я к ней время спустя, изображая подавленное состояние. Опершись локтями о стол, сцепил пальцы, уронил на них голову, как расстроенный ребенок, и с печалью на нее посмотрел. — Совсем я пропал.

Она перестала изучать комнату и повернула ко мне свои большие, кажущиеся такими наивными, глаза.

— Что случилось, суженый? Грома небесного испугался? — пошутила она.

— Хуже. Ты же слышала, царь-батюшка хочет меня на старухе-Владычице женить! — Я распрямился и ударил кулаком по столу для драматического эффекта. — Зачем мне такая жена? Она же, говорят, старая, злая. Вместо перьев — в перине кости да сучья! Как мне сделать, чтобы она сама от брака отказалась? Ты ведь оттуда, с болот... Может, знаешь, как к ней подойти, чем задобрить? Или, может, у нее есть слабость какая?

Я смотрел на лягушку, стараясь, чтобы в моих глазах читался только страх и глупая надежда. На самом деле я ловил каждую ее реакцию. Любое слово о Владычице сейчас на вес золота, ведь гарантии, что получится выполнить все задания отца, у меня не было.

Василиса помолчала, ее горло вздулось и сдулось.

— Беда твоя пока до ворот не дошла, а ты уже ее испугался. Чего это ты про женитьбу на ней думаешь, когда я — твоя суженая — перед тобой сижу? Или ты решил, что я царские задания не выполню? — В желтых глазах квакушки обида затеплилась, щеки раздулись, губы задрожали. — Про Владычицу мою гадости не слушай. Не плохая она, просто не по-вашему на мир смотрит.

— Да легко тебе говорить! Тебя за старого Кощея не выдают! — продолжил я свой спектакль. — Ты хоть знаешь, как она выглядит? Может, у нее борода растет? Или паутина в ушах?

Я видел, как ее лапки непроизвольно сжались, но голос, однако, остался ровным и даже слегка насмешливым.

— Борода... — она квакнула, словно подавилась смехом. — Нет, суженый, бороды у нее нет. Видела я ее как-то раз. Статная, строгая. Косы русые, длинные. Глаза темные, изумрудные, — она сделала паузу, и мне почудилась в ее тоне неподдельная гордость, резко сменившаяся прохладой. — Видная, одним словом.

«А про возраст ни слова не сказала», — мысленно скривился я, но про себя отметил, что описывала квакушка свою повелительницу как-то особо лично.

— Видная... — скептически протянул я. — Я ж не просто так спрашиваю. Риски-то велики. Как ты, такая маленькая, задания батюшкины выполнять собираешься? Он ведь незнамо что может напридумывать, чтобы своей цели добиться. Если что в голову вобьет, пере-

думать и Боги его не заставят, сама видела. Вдруг провалимся, тогда что? — я снова изобразил панику. — У тебя хоть какие-то таланты есть, кроме как комаров ловить и говорить?

Василиса задумалась на мгновение, а потом мягко заговорила:

— Не доверяешь, суженый мой... Ну да, твое право. Только я хоть и маленькая, да удаленькая. Мы, болотные, не так просты, как кажемся. К земле ближе, силы природы лучше чувствуем, они нам помогают. Вон как за меня перед царем вступились. Так что мы с тобой всех обязательно удивим, вот увидишь.

Ее убедительные слова неожиданно придавали уверенности.

— Ладно уж, уговорила, — вздохнул я, делая вид, что смирился. — Будем делать, как скажешь, — я со вздохом встал и подошел к окну.

Златоглавые терема в красном закате улаждали взор, голоса придворного люда успокаивали. Все живы-здоровы, проблем больших нет. А вот в голове мелькало одно за одним: «Мы, болотные, не так просты...», «силы природы вступились...», «обязательно удивим». Не знаю, как они, а вот лягушка меня неслабо заинтриговала. Меня все больше терзали смутные сомнения: кто она такая? Уж слишком пригодна да ласкова. Мне нужны честные ответы. И ничто так не помогает их получить, как неожиданные вопросы.

—А ведь я тут подумал, квакушка, гром-то грянул, едва царь тебя в короб стеклянный захотел посадить. Случайность? Или твоя Владычица за тебя вступилась, как думаешь?

Василиса изумленно распахнула огромные глаза.

— Что ты, Иванушка! Владычица для нас — что облако большое. Какое ему дело до каждой простой лягушки? У нее своих забот хватает: защитить да накормить. А насчет грома... — она сделала многозначительную паузу, — ...я ж тебе рассказывала. У нас в Топях как: тронул одного — затронул всех. Нечисть иноземная меня обидит — цапля заступится. Шайтан на русалку зуб кажет — от лобасты по зубам получит. А уж если кто со стороны придет да начнет местных в обиду брать, все Топи поднимутся. Наверное, так и случилось у царя. Не за меня гроза пришла, а за всех нас, болотных, чтоб обижать не смели.

«Простая лягушка. Конечно. Как же иначе-то, — язвительно подумал я. — Совсем ты не простая, Василиса. Ты или величайшая моя удача, или самый большой просчет. Но скучно с тобой точно не будет».

Внешне я облегченно вздохнул.

«Ладно, верю я тебе, квакушка. Что ж, будем надеяться, твои болотные силы нам помогут. А там... посмотрим».

Глава 7

Василиса

Едва первые лучи зари коснулись стрельчатого окна, я распахнула свои лягушачьи глаза. Непривычно спать в хрустальной шкатулке вместо мягкой перины, но моя цель стоит любых неудобств.

Пока Иван почивал, я допрыгала до подоконника взглянуть на царский двор. Там уже кипела жизнь: слуги бесшумно сновали, намывая дорожки до блеска. Клумбы тут выстроены по линейке, цветы заморские — яркие, красочные, а души в них нет. А у нас — кубышка желтая да незабудка болотная, каждая настоящая, удивительная.

Как же тоскливо мне стало по родным местам! Говорят, в Топях грязь и беспорядок. Нет, у нас своя вольная жизнь. Мы не переделываем природу — мы с ней в ладу живем. Трава растет, где хочет, птицы поют по желанию, а не из клеток. Вода в озерах чистая, своя, — получше любой заморской. Болотные огоньки светят не хуже царских фонарей, ветер с камышом по ночам перешептывается, а росянка от лихих зверей оберегает.

Вон внизу садовник в иноземной форме кусты стрижет под чужую моду. У нас в Топях ива сама знает, как ветви раскидывать, а уж мы подстроимся.

У царя Еремея стены золоченые? Так у нас кувшинки цветут. И то, и другое красиво, только по-разному. Им тут чужие порядки для форсу, а нам, как тесные сапоги, — и носить неудобно, и ногу натирают. Мы своего не стыдимся: шубы из шкурок водяных — теплые да ноские, мед дикий — густой и душистый, травы целебные — от ста недугов. Мы не воюем с природой — мы ее бережем.

«Нет, не понять им нас своим тридевятым умом, — тяжело вздохнула я. — Оторвались они в погоне за иноземными благами от своих корней, потому и ценности в них уже не видят».

В дверь отведенной мне комнаты раздался вежливый стук. В проеме стоял хмурый Иван.

— Не выспался, суженый? — ласково квакнула я.

— Отлично выспался, — буркнул он, но темные круги под глазами кричали об обратном. — Сегодня объявят первое задание. Даже не знаю, что батюшка придумает. В одном точно уверен: ему польза во всем нужна. Поэтому нам придется наизнанку вывернуться, а твой прок ему доказать. Надо...

Договорить царевич не успел. В дверь постучали, и на пороге возник глашатай, раздувшийся от собственной важности.

— По указу царя Еремея, к закату сего дня все невестки должны явиться в обеденный зал с хлебом, испеченным своими руками! Да будет явлено искусство и усердие!

Иван замер на секунду, а потом плотно закрыл дверь и стукнул кулаком по стене.

— Хлеб! Вот что он задумал! Знает, что тебе его не испечь! Я сейчас побегу, договорюсь с пекарями, они нам испекут такой каравай, что все ахнут! А еще лучше...

— Не трудись, суженый, — спокойно прервала я, хотя внутри во мне закипало раздражение. Привычный царский подход: обман, подлог и показуха. — Я справлюсь сама. Твой отец не дурак, его не проведешь!

Иван круто повернулся ко мне, и в его глазах впервые мелькнула не наигранная, а самая что ни на есть настоящая досада.

— Проведут! Всех проводят! Ты думаешь, боярыня сама свой каравай месить будет? У нее десяток служек для этого есть! Пару раз пальчиком ткнет для вида и пойдет в опочивальню. А купчиха золотом пекаря осыплет, чтобы тот за нее все сделал! Тут даже думать о честности

не надо, все заранее известно. А ты как справишься? — он подошел совсем близко и, окинув недоверчивым взглядом, развел руками. — Ты же маленькая, зеленая, и ты... ну, лягушка!

— А ты не смотри на мой облик, — надула я щеки, изображая обиду. — У меня лапки золотые — не только стрелы ловить. И потом, разве можно обманывать царя?

Царевич сжал кулаки, его лицо исказилось от негодования.

— Что ты предлагаешь? Каравай из тины и водорослей? Батюшка такое есть не будет, ему белоснежное печево с заморскими пряностями и изюмом подавай. Выбросит твой хлеб скотине, а меня отправит к твоей Владычице!

— Не отправит, — попыталась я говорить мягче, но твердо. — Мы его удивим. Поверь, у меня есть свои секреты.

— Секреты? — он фыркнул, и в его глазах мелькнуло раздражение. — Какие еще секреты? Ты ведь даже муку в лапках не удержишь!

Меня начало подмывать ответить резко, но я сдержалась. Это была первая настоящая проверка. Если разругаемся, то даже в полезном браке толку не будет. Каждый на себя одеяло тянуть станет.

— Иванушка, — сказала я, перебираясь поближе к краю подоконника. — Доверься мне хоть раз. Нам заодно действовать надо, а не друг против друга.

Он молча смотрел на меня, но я видела, как в его голове крутились десятки мыслей, подозрений и расчетов. Наконец он тяжело вздохнул, будто смиряясь с неизбежным.

— Ладно. Что ты предлагаешь?

— Отведи меня на самую дальнюю, самую забытую кухню во дворце. Туда, где никто не ходит. И оставь меня там одну до вечера.

— Одну? Чтобы ты устроила потоп или нашествие мух? — усмехнулся он, но в усмешке сквозила горечь.

— Чтобы испекла тот самый хлеб, который станет твоим спасением от навязанной невесты. Ты же мне веришь, суженый? — я сделала свои глаза максимально круглыми и честными.

— Хорошо. Есть у меня одно такое место. Бывшие покои матушкины... Там печь еще с тех пор стоит. Только ее растопить надо. Я сделаю и принесу все, что тебе для каравая понадобится.

Пока он нес меня по запутанным коридорам дворца, я чувствовала, как напряжение исходит от него волнами. Царевич не доверял мне, и винить его за это было нельзя — кто бы поверил лягушке, что она может испечь хлеб?

Наконец, Иван отворил скрипучую дубовую дверь, и нас обдало запахом старого дерева и сушеных трав. Кухня встретила нас тишиной и запустением.

— Пока осматривайся, я пока посуду и продукты принесу. Что именно тебе нужно будет? — быстро перечислила я ингредиенты.

— Ржаную муку? Царь не будет...

Я молча и пристально на него посмотрела. Царевич махнул рукой и вышел.

Осмотревшись, я заметила, как пыль кружится в лучах солнца, проникающих через маленькое окошко. В углу стояла огромная печь, покрытая вековой копотью, старый массивный стол, облезлая лавка в углу.

Когда Иван вернулся с припасами, я уже чувствовала, как магия Топей струится во мне. Он молча разложил все на столе, затопил печь и отошел к лавке.

— Ну, чудо-квакушка, показывай свое искусство. Я тут побуду.

— Как пожелаешь, — мягко ответила я и незаметно стряхнула с лапок магические споры болотного дремотника. Они смешались с пылью в воздухе, создавая едва уловимую дымку.

Я едва слышно, нараспев, начала напевать колыбельную, вплетая в нее древние слова силы Топей. Мой голос становился все медленнее и убаюкивающе мягче.

— Скажи, Иван, — завела я тихий, завораживающий разговор, — у вас есть чудодейственные сказки? У нас в Топях есть. Одна, например, про то, как сильного воина его думы ослабили, потому что он из-за них выспаться хорошенько не мог. Он уставший пришел на болото, в тишине посидеть, сил для новых подвигов набраться, и услышал песню старой жабы. Он так проникся ею, что не заметил, как уснул. А когда проснулся, почувствовал прилив сил для новой битвы.

Веки Ивана стали тяжелеть. Он пытался встряхнуть головой, но сила древней магии была сильнее его воли. Его взгляд стал стеклянным, упершись в одну точку на стене.

— Что ты... делаешь... — пробормотал он, и его слова потеряли четкость.

Он медленно опустился на лавку, его дыхание стало глубоким и ровным. Магия сделала свое дело — теперь он не увидит того, что произойдет дальше.

«Прости, мой недоверчивый царевич, — мысленно прошептала я, глядя на его спящее лицо. — Но мне нужно выполнить задание царя, не раскрывая своих тайн».

Я спрыгнула со стола и сосредоточилась. Вспомнила запах родной земли, шепот ветра в камышах, вкус чистой воды. Магия Топей прошла через меня, окутывая мягким зеленым светом. Через мгновение я уже стояла в своем истинном облике Повелительницы Топей.

Теперь можно было приниматься за дело. У меня было всего полдня, чтобы испечь хлеб, который должен был растопить лед в сердце царя и показать ему силу его родной земли.

Глава 8

Иван-царевич

Меня разбудил душистый, до боли знакомый запах. Пахло горячим домашним хлебом. Я вскочил и помотал головой, пытаясь прогнать остатки сна. Она была на удивление легкой и свежей, словно я отоспался за все предыдущие годы служения царству.

На столе, на льняном рушнике, лежал ровный, румяный каравай. Не пышный боярский каравай с затейливыми косами из теста, а простой, высокий кругляш ржаной, с глубокими трещинками-улыбками на твердой, душистой корочке. Единственным украшением был рисунок из белой посыпки сверху — простые волны, будто от легкого ветерка по воде. Рядом, местами в мучной пыли, сидела моя квакушка и смотрела на меня самым невинным взглядом.

— Ты... это... как? — только и смог выдать ошарашенный спросонья я.

— Испекла, суженый, — просто ответила она. — Как и обещала.

Я подошел к столу и недоверчиво уставился на хлеб. Тут должен быть подвох, но где? Может, внутри грязь или тина? Или это вообще обманка? Но нет. Каравай был что ни на есть настоящим и аппетитным.

— Как ты это сделала? — прошептал я, подняв ошалелые глаза на лягушку.

— Лапками своими, Иванушка, — квакнула довольная Василиса. — Все честь по чести. Все сама. Можешь нести на царский суд.

Я коротко кивнул, но сразу идти к отцу был не готов. Слишком сильная буря в душе разыгралась. Чтобы взять себя в руки, принялся убирать в кухне и думать о возможных вариантах развития событий в обеденном зале. Ни один из вариантов меня не радовал. Посадив квакушку на плечо и взяв в руки поднос с караваем, я направился в царские палаты. В груди билась тревога. Впервые я не мог просчитать будущее, и от этого мне было страшно.

— Чего ты так печально молчишь, суженый? Каравай мой не удался? — мягко спросила лягушка.

Из моего горла вырвался тяжелый вздох.

— Боюсь, царь не поверит. Подумает, что я у пекаря городского купил.

— А ты и не заставляй его верить, — прозвучал тихий голосок у моего уха. — Пусть думает, что хочет.

Я в непонимании повернул к ней голову, а она, словно не заметив моего удивления, продолжила:

— У нас в Топях такой хлеб повсеместно едят, — говорила она. — От него сила в руках, ум в голове крепкий, а нервы... как канаты. Потому что мука-то простая, не хитромудрая, от земли родной.

Я задумчиво погладил бочок прикрытого рушником карава. Вспомнил, как в детстве, до того, как отец начал зазывать заморских пекарей, в царских палатах пекли именно такой хлеб. Простой, но сытный, который не тяготил, и правда, придавал особенных сил.

— Знаешь, Иванушка, — квакнула Василиса, будто прочитав мои мысли, — раньше и в вашем царстве такой хлеб ели. Каждый мужик, каждый воин его силу знал. От него плечи шире становились, а руки — выносливее. Не то что эти ваши белые булки заморские — красивые, душистые, но пустые. Твой-то батюшка, поди, забыл уж, каково это — от земли силы черпать. Забыл, какой вкус простой хлеб имеет. Рожь ведь не для красоты растят, суженый, а для пользы.

«Откуда ты все это знаешь? Или просто угадываешь?», — мысленно съязвил я, а вслух, почесав затылок, другое сказал:

— А как же я это перед отцом скажу? Он ведь меня засмеет, коли начну про силу земли да про плечи с руками толковать.

— Так ты не толкуй, — хитро подмигнула она. — Ты просто дай ему хлеб попробовать. На то он и царь, чтобы решения принимать. В любом случае, что не мной каравай выпечен, не скажет, домыслы царю чести не сделают.

В зал мы пришли, когда все уже собрались и ждали только нас.

Я поставил выполненное задание перед отцом и отошел на свое законное место в конце стола.

Первым царь оценил хлеб боярыни.

Ее каравай был идеален, как с гравюры. И руки она нарочно не вытерла, демонстрируя «труд».

— Искусно, — кивнул царь, но в его глазах мелькнула усмешка. Он видел ее игру, но боярские связи дороже правды. — Вижу, что руку приложила.

Потом пришел черед кривому полумесяцу купчихи, из которого варенье вытекло на блюдо. Царь приподнял пальцем и бросил обратно на тарелку.

— Что это? — скривился батюшка.

— Курласан! — гордо выпалила пышная дочь важного купца. — Сладость запеченная иноземная. Мука местная все испортила. Была б французская, и курласан загляденье вышел, а на местном ничего путевого не выпечь.

— Название-то выговорить не можешь, а взялась печь, — фыркнул царь, но в его тоне не было гнева. Была снисходительность к попытке «купить» его расположение через моду. — Зато хоть честно сама старалась. За усердие — тебе похвала.

Купчиха покраснела, голову опустила и отошла. Умеет отец и хвалить, и ругать так, что головы от стыда не поднять.

Пришла очередь нашего с квакушкой хлеба. Царь подвинул каравай к себе и поднял холст. Запах от печева был таким сильным и настоящим, что не только батюшка носом с наслаждением потянул, но и братцы со своими невестами.

Царь уставился на ржаной каравай, потом на меня, потом на лягушку.

— И это что? — его голос был обезоруживающе спокоен.

— Хлеб, батюшка, — простодушно ответил я, делая вид, что не понимаю подтекста. — Квакушка сама пекла. Пахнет..., как в детстве, помнишь?

Я видел, как в его глазах что-то дрогнуло, но недоверие и возможный проигрыш в этом задании взяли верх.

— И как же, скажи на милость, она его испекла? — царь язвительно окинул Василису взглядом.

— Не могу сказать, батюшка, — я развел руками и добавил с наигранным восторгом: — Сел, значит, я у печки, чтоб бдеть за процессом, а потом ненароком пригрелся и уснул. Проснулся, а он на столе стоит и так духмяно пахнет, аж слюнки потекли.

Царь таинственно посмотрел на сидящую на моем плече с невинным видом квакушку, подозрительно на меня и... медленно протянул руку к ржаному караваю. Отломил горбушку, глубоко вдохнул ее аромат и молча положил в рот. Все присутствующие замерли в ожидании решения, но отец продолжал молчать.

— Все ли в порядке, царь-батюшка? Может, помощь какая нужна после хлеба странного лягушечьего? — нарочито заботливо поинтересовался мой старший брат.

Отец очнулся, свел брови к переносице и грозно выдал:

— Да. Подать мне салца копченого, чеснока и лучка зеленого. Да и щец, стряпчей Марфой сваренных.

Мы с квакушкой одновременно облегченно выдохнули.

— Царь трапезничать желает! — громогласно раздалось по всему залу, и слуги принялись накрывать столы.

А я поймал себя на мысли, что под маской «дурачка» можно не только скрываться, но и правду доносить. Главное, не резать ее, а глупостью оборачивать, чтобы слышали и обдумывали, хотя бы, как шутку. Глядишь, до чего и додумаются. И квакушка моя мне в этом поможет. Не такая она и глупая, какой казаться хочет.

Глава 9

Василиса

Возвращались мы в полной тишине. Царевич в свои мысли погрузился, а я... Каждая косточка в моем лягушачьем теле ныла от усталости, будто я не каравай испекла, а новое озеро выкопала. Тяжело все-таки издалека к дому за силой тянуться.

В наших покоях Иван ссадил меня с плеча на подоконник и молча уставился в окно. Видать, то, что в обеденной зале произошло, не только царя задуматься заставило. Это хорошо. Пусть подумают.

Я же прыгнула к самому краю и залюбовалась городским вечером. Закат окрасил небо в нежные тона, словно искусный художник мазнул кистью по небесному полотну. Лучи солнца, пробиваясь сквозь легкие облака, играли на золотых куполах дворца, наполняя атмосферу каким-то удивительным уютом. В воздухе разлилась особая вечерняя тишина, та, которая бывает только в предзакатные часы, когда день неспешно уступает место ночи. Я, затаив дыхание, наблюдала за истинной природной красотой, чувствуя, как сердце наполняется благодарностью. Даже здесь, в каменных стенах царского дворца, ее не портили ни вычурные украшения теремов, ни позолота на крышах.

— Василиса, ты не знаешь часом, почему там в кухне я так быстро уснул? — выдернул меня из наслаждения задумчивый голос царевича. — Обычно меня бессонница мучает, а тут сел и накрыло.

— Да кто ж знает, суженый? — ответила я царевичу невинным взглядом. — Может, усталость накопилась? Тепло почувствовала и свое взяла.

Иван скептически на меня посмотрел.

— Что-то раньше я за собой такого не замечал, — пробурчал он, опять отворачиваясь к окну.

— Все когда-то в первый раз случается, — беззаботно бросила я. — Ты, наверное, так переживал перед встречей с царем-батюшкой, что от этих переживаний и уснул.

— Думаешь? — брови царевича резко взлетели.

— Угу, у меня так тоже бывает, понервничаешь сильно — раз — и утро!

Иван хмыкнул.

— Признайся лучше, не подсыпала ли ты мне куда сон-травы? Вы там на своих болотах, говорят, неплохо в травах разбираетесь.

— Что ты, суженый! Как можно? — я прижала лапку к груди и мгновение спустя вкрадчиво поинтересовалась: — А что, плохой сон снился? Комары да мошки?

Иван рассмеялся — коротко, глухо, но искренне.

— Нет, к счастью, не снились. Снилось, будто я ел каравай размером вон с ту башню. Он не сладкий, но и не пресный, и очень вкусно пах.

— Вот видишь! — торжествующе сказала я. — Это твоя душенька мое кулинарное творение предвкушала!

— Точно! И как я не догадался? — наигранно изобразил царевич озарение. — Надеюсь, в следующий раз, если опять неожиданно усну, каравай из сна на мой стол перекочет. А то царь-батюшка попробовал, а я только ароматом наслаждался.

— Договорились! — радостно согласилась я.

Он снова тихо рассмеялся, потом вдруг спохватился, будто одернул себя, и отошел вглубь комнаты. Остановился у стола и зачем-то ковырнул столешницу.

— А если серьезно, Василиса... спасибо.

В его голосе не было ни шутки, ни подвоха. Только искренняя благодарность.

— За хлеб? — уточнила я, сама смутившись от его внезапной серьезности.

— Да, за хлеб. И... — он запнулся, подбирая слова, — за то, что не дала мне обмануть, как эти... там.

Я не знала, что ответить. Это «спасибо» было ценнее любой хитроумной лести. Вместо слов я просто тихо квакнула в знак согласия.

Наступило долгое комфортное молчание.

Он достал откуда-то душистый пряник, отломил маленький кусочек и, немного помедлив, протянул его мне.

— Держи. У меня тут больше ничего нет, — немного смущенно произнес Иван, будто оправдываясь. — Я — не гурман, курсаланами и подобным не питаюсь.

Пряничный кусочек перекочевал в мои лапки. Добрый жест царевича оказался невероятно приятным и по-детски милым. И почему-то от него стало тепло под холодной лягушачьей кожей.

— Спасибо, — прошептала я уже совсем без притворства. — А ты не такой уж и дурачок, Иванушка, каким слывешь.

— С чего ты это взяла-то? — хмыкнул он, снова возвращая на лицо знакомую несерьезную улыбку. — Я вон и говорить-то толком не умею, все путаю. Пользы царю-батюшке не приношу.

— Ой ли, Иванушка? — не удержалась я от ехидства. — Ну а если серьезно, ты не боишься царя?

Царевич пожал плечами, и снова в его движениях появилась дурашливая небрежность.

— А чего мне бояться? Самое страшное, что он может сделать — это начать считать меня умным. А этого, — он многозначительно постучал пальцем по виску, — пока не случится. — Он вдруг нарочито громко и широко зевнул и потянулся. — Что-то я разболтался. Да и спать захотелось. Видимо, опять накатило — от переживаний за завтрашний день. Так что, если я вдруг засну тут, где стою, помни про обещанный каравай.

— Помню, — кивнула я, чувствуя, как усталость и странное, теплое веселье смешиваются внутри в один клубок. — Спи спокойно, суженый. А я... на звезды немного полюбуюсь. Хороши они тут, прям как наши.

— Твоя правда, — пробормотал он, устраиваясь на кровати в отведенной мне комнате. — Странно, почему сон так быстро наступает?.. Заколдован я, что ли...

Его голос стал тише, дыхание — ровнее. Притворялся он или действительно начал засыпать — понять было невозможно, но в комнате снова воцарилась тишина. Золотой закат уже сменился синевой сумерек, и в этой тишине, под звуки его ровного дыхания, я впервые за время нахождения здесь почувствовала не одиночество, а странное, обнадеживающее чувство — возможно, в моей схватке за светлое будущее я буду не одна.

Окинув спящего спокойным сном Ивана, поймала себя на мысли, что, наверное, Кощей все-таки был прав в отношении него.

Глава 10

Иван-царевич

Проснулся я с первыми утренними лучами солнца, удивительно бодрым и не в своей кровати. Даже не помню, как ложился в нее! Ладно, учту, зеленая.

Странное дело — в голове ясно, в теле легко, будто не спал, а неделю на целебных водах отлеживался. Такого со мной давно не было. Бессонница, что годами грызла меня по ночам, куда-то испарилась. «Интересно, — подумал я, потягиваясь, — это она мою болотную суженую испугалась или та ее съела?»

Усмехнувшись дурацкой мысли, встал и направился в свои покои. Квакушка дремала в своем хрустальном ложе, свернувшись в симпатичный комочек. Странная она все-таки — вроде и умных речей не толкует, но и глупостей не делает.

Едва я успел привести себя в порядок и одеться, как в дверь постучали.

— По указу царя Еремея! — возвестил царский глашатай, сверкая глазами. — Завтра к шести часам вечера все невестки должны представить ковер, сотканный своими руками! Да явит каждая искусство, терпение и верность традициям!

Сердце у меня екнуло и провалилось куда-то в сапоги. Ковер. Лягушка и ковер!

Дверь закрылась, а я остался стоять, чувствуя, как по спине бежит холодок. Первое задание квакушка выполнила, хотя я до сих пор не понял, как. Но ковер... Это царь специально, чтобы ни единого шанса ей не оставить. Надо срочно идти к Василисе.

Та уже не спала, сидела в своей шкатулке и смотрела в окно, будто считала пролетающих ворон.

— Доброе утро, суженая, — сказал я, стараясь говорить, как можно безнадежнее. — Новости есть от батюшки, и невеселые.

Выслушав про указ о ковре, она не заквакала в ужасе. Помолчала немного и твердо сказала:

— Значит, буду ткать.

Я сел на стул и сгорбился, изображая крайнюю степень отчаяния.

— Да как же ткать-то? Как нитку в лапках удержишь? Неужто колдовать будешь? Наш царь на такие дела суровый!

— Не переживай, Иванушка, не стану я твоего батюшку тревожить пустыми подозрениями. Ткать можно не только нитками и бердом, — ответила она, и в ее голосе прозвучала легкая, почти веселая интонация. — Только мне земля разная нужна. Немного, по горсточке.

— Земля? — от удивления мои брови высоко поднялись. — А луну со звездами тебе с неба не достать?

— Я ж не признаний в любви прошу, суженый, — со смехом парировала лягушка.

Смущение от ее шутки прилило к щекам.

— Есть у нас во дворце земля. В цветочных горшках с иноземными цветами.

— От нее толку не будет, — махнула она лапкой. — Она неродная. Мне наша местная нужна, настоящая. С полей, с дорог, с лесных опушек.

Я заскреб затылок, изображая мучительную мыслительную работу.

— Так это ж опять за царские ворота идти надо! Пешком и далеко. У меня, между прочим, с похода за стрелой не все мозоли зажили, — пробурчал я.

— А ты что, за ворота просто так не выходишь? — спросила она с искренним, как мне показалось, удивлением.

— Куда? Я ж при делах! — воскликнул я, всплеснув руками. — То бирюльки, то... другие бирюльки. Дела всякие занятные, в общем.

— Вот и сменишь свои дела, — не отступала она, а в голосе задор играл. — Пойдем, Иванушка. Солнышко тепло светит. Ты мне землю свою покажешь, а я... я тебе болотные сказки рассказывать буду. Чтобы не скучно было.

Знать бы, что квакушка задумала. Только ее предложение уже заманчиво в душу проникло и воспоминания моих детских вылазок всколыхнуло. Интересно, много там за коваными воротами изменилось?

— Ладно, — буркнул я недовольно. — Только пойдем в северную сторону, и не через терем.

Лягушка понятливо подмигнула и уже привычно села на плечо. Котомку с десятком маленьких холщовых мешочков я повесил за спиной, и мы направились с ней к дальней калитке для слуг, которую я знал с детства.

За воротами тянулась царская дорога — ровная, укатанная, чистая, глаза радовались. Идти по ней было одно удовольствие.

— Давай свернем вон на ту тропинку к золотому полю, — тихо сказала квакушка, указывая лапкой.

«Прекрасная идея... — внутренне я оживился. — Заодно посмотрю, как люд простой в царских окрестностях живет. А то с тракта все парадное, а подальше зайдешь и сапоги рвутся».

— Тропинку? — я сморщился, вспомнив дорогу за стрелой. — Уверена? Там же все ноги переломать можно.

— Не бойся. Если хочешь, я впереди попрыгаю, утрамбую, — квакнула она, а я фыркнул.

Мы свернули с дороги, и я, неожиданно для себя, глубоко потянул носом. Воздух был совершенно другим, не тем, к которому я в царских палатах привык. Он пах нагретой землей, травами и какой-то особой свежестью.

— Бери тут, — ткнула лягушка лапкой в грунт у колеи, когда мы отошли подальше от тракта. — Там, где трава пробивается.

Я с ворчанием принялся ковырять грунт.

— Не любишь землю? — квакнула Василиса.

— При чем тут любовь? В грязи возиться не приучен, — хмуро ответил я и мысленно добавил: «Во всяком случае, не в этой».

— Вань, а ты в детстве по полям бегал? — задорно спросила она. — Кузнечиков ловил?

Вопрос застал врасплох. Всплыло воспоминание: лето, выше колена рожь, и я, шестилетний, гоняюсь за стрекозой, а дядька-сторож орет, что потопчу посевы.

— Бывал, — буркнул я. — Няньки потом отмывали час. Говорили, царевич должен по паркету ходить, а не по чернозему ползать. Только по паркету мне неинтересно было, — не сдержал я грустной усмешки.

— А мы в Топях к таким красивым дорогам, как в вашем царстве, не приучены. С детства по уши в земле, — с такой радостью произнесла суженая, что куда-то глубоко под дых кольнула зависть. — Детвора и по мху, и по тине лазит. Потом, бывает, и отмываются плохо. Зато веснушки как у лешего — ничем не свести!

Я рассмеялся, представив картину.

— А у вас и свои лешие есть?

— Конечно! — оживилась она. — Как же лесу без Лешего стоять? Только они у нас ворчливые страшно. Если забудешь гостинец принести или поклониться за щедрость, — всю дорогу потом шишками закидывать будут, или птиц напустят вредных. Отмоешься дома, считай, свезло.

Василиса заливисто рассмеялась, а я только усмехнулся, вспомнив собственный опыт общения с Хозяином чащи. Слушая шутки своей квакушки, я дышал полной грудью. По-насто-

ящему легко, как давно не дышал, словно никакого груза на моих плечах и не было. И уже совсем не хотелось притворно ворчать.

— Василис, а у вас там на болоте жить удобно? — поинтересовался я, набивая мешочек у корня старой сосны. — Без теремов, без слуг, без удобств.

Она то ли кхекнула, то ли квакнула.

— Конечно, Иванушка. Да, наши дома другие, не такие богатые и высокие, как у вас, зато уютные, добротные. И живут в них не слуги, а наши помощники — домовые, клетники, дворовые. А удобства... Так они, мой суженый, для всех разные. Кому-то удобно за высокими стенами прятаться, а кому за могучими деревьями. Да и живем мы на иной лад. У вас каждый сам за себя, а у нас друг за друга. Попробуй, тронь лягушонка — тебе ото всех, кто увидел, и крапива по рукам, и хлесткий прутик по ногам. А если сильно кого-то обидишь, такой туман напустят, что три дня будешь к родному порогу дорогу искать.

— Жуть! — с деланной дрожью в голосе сказал я. — Лучше уж у нас, при дворе. Тут если и обижают, то воспитанно: словами да взглядами, а не крапивой.

— Это как посмотреть, — задумчиво квакнула она. — Иногда крапивой честнее. Да и доходит лучше.

Мы набрали мешочки с выгона, где паслись пестрые коровы, и с берега пересыхающего ручья. «Родник Глубокий, — внезапно щелкнуло в памяти. — По отчетам боярина Потапова, очищен и углублен за казенный счет по ранней весне. Очень интересно...». Я на мгновение задержал взгляд на жалкой струйке воды, чувствуя знакомую, едкую злость, и тут же нахмурился, будто просто устал от солнца.

Последний Василис велела наполнить у самой царской дороги, но не с поверхности, а из глубокой колеи, где земля была серая и мертвая.

— Зачем такая? — поморщился я.

— Она тоже когда-то вам служила, — загадочно бросила она, и в ее тоне снова появилась уже слышанная мной неуловимая серьезность.

На обратном пути мы шли молча, но молчание это было не досадное, а устало-созерцательным. Предзакатное солнце пригревало спину, котомка стучала по спине, а на моем плече сидела и урчала очень загадочная и чем-то притягательная ноша.

— Что ж, — сказал я, заходя в наши покои. — Твое пожелание выполнили, Василис. Надеюсь, ковер выйдет на славу и, как каравай, батюшку не разочарует.

— Будь уверен, суженый, — с ноткой усталости ответила квакушка и, помедлив, мягко сказала: — Спасибо, Иванушка, за прогулку.

— Да ладно тебе, — смущенно потупил я глаза. — Я ж ничего. Просто землю покопал.

Она тихо квакнула — на этот раз это звучало совсем как смешок.

— Зато как дивно день провели, весело.

Я не нашелся что ответить, лишь кивнул и поспешил в свои покои. На душе было и светло, и тревожно. Словно нырнул в омут с головой: и страшно, и прохладно, и непонятно, что на дне. А выныривать почему-то уже не хочется.

Глава 11

Василиса

Иван поставил наш ценный груз на стол, но не уходил. Остановился у порога, переминался с ноги на ногу и в тревоге закусывая губу.

— Ну что, суженый, — сказала я мягко, — твоя часть работы закончена. Моя — начинается. А для нее мне нужна тишина и... ни одного любопытного взгляда.

— А я могу... — начал он.

— Нет. Обещай, что до завтра не войдешь. Что бы ни услышал.

Он вперил в меня недоуменный взгляд.

— Василис, а если помощь понадобится? — выдохнул он.

— Твоя помощь — сдержать слово.

Он тяжело вздохнул, почесал затылок и кивнул.

— Ладно, обещаю. Только... если что, зови.

Когда дверь за ним закрылась, я на миг прислушалась к отдаляющимся шагам. Наконец-то можно выдохнуть и больше не играть.

Я вернула себе человеческий облик и подошла к столу, на котором горкой лежала наша бесценная добыча.

Взяла первый мешочек — землю с поля, где пробивалась травка. Растворила ее в принесенной с собой росе из Топей и, напевая песню матери-землицы, окунула нить. Та впитала хрупкое, но нестигаемое желание жить.

Потом — земля из колеи царской дороги. Серая, мертвая. От нее пахло пустотой и жадностью. Эту нить я окрашивала молча, в полной тишине, давая ей впитать холод безразличия.

Так, горсточка за горсточкой, я вплетала в ковер шепот пересыхающего ручья, боль от вырванных с корнем деревьев, упрямство мха. И в сердцевину — горсть земли из Топей, какой она была: глубокой, темной, полной спящей силы. Туда я вложила не песню, а обет. Обещание их защитить несмотря ни на что.

Иван пришел ровно в назначенный час, чтобы успеть зайти в царские палаты без опоздания. Его взгляд сразу устремился к плотному свертку, лежавшему на столе.

— Ну что? — спросил он, и в его голосе дрожала плохо скрываемая тревога.

— Все готово, суженый, — показала я лапкой на аккуратно свернутый рулон.

Иван потянулся к нему.

— Нет, — мягко остановила я. — Пусть первым увидит тот, для кого он соткан.

На его лице промелькнуло разочарование, но спорить царевич не стал. Лишь осторожно взял сверток, удивившись, должно быть, его неожиданной тяжести, и понес перед собой, как драгоценную ношу.

В тронном зале царило уже знакомое оживление. Воздух дрожал от сдерживаемых насмешек, когда мы с Иваном заняли свое место. Первой развернула ковер боярыня — идеальное, бездушное полотно с вытканными золотом гербами и сценами охоты. Народ ахал от искусности. Царь кивнул, его взгляд скользнул по боярину, отцу невестки, — обмен был одобрен.

Купчиха представила ковер пестрый, кривой, но выстраданный и честный. Над ее «медведями», больше похожими на псов, сдержанно похихикали. Царь хмыкнул:

— Усердие зачтется.

Она покраснела и отступила.

Настала наша очередь. Иван вынес сверток в центр и развязал веревки.

Ковер распахнулся. В зале раздался искренний вздох восхищения. Полотно сияло идеальным Тридевятым царством с золотыми нивами, густыми лесами, глубокими синими

реками, крепкими деревнями с резными теремами — красивой, губительной ложью, которую все хотели видеть.

Царь Еремей сверкнул глазами и презрительно усмехнулся, не отрывая от меня взгляда. Затем откинулся на спинку трона и громогласно провозгласил:

— Ну вот! Второе задание лягушка выполнила! Что, бояре? Она любой вашей боярыне фору даст! Смотрите, какую красоту сотворила!

Он говорил громко, с показным торжеством, бросая победные взгляды на старших сыновей. Но в его хищных глазах я видела лишь: «Зря радуешься, зелень болотная!»

Иван стоял, опустив голову, исподволь глядя на мое рукоделие. Лапками я чувствовала, как напряжены его плечи. Интересно, о чем он сейчас думает? Поверил в парадную картину?

— Позволь, батюшка, рассмотреть поближе чудо-то это! — воскликнул Иван и, неуклюже шагнув вперед, споткнулся. Его ладонь задела край ковра, попала прямо в изображение богатого села у озера.

Под пальцами царевича золото и лазурь поплыли, как утренний туман.

Тишина накрыла присутствующих такая, что если б комар пролетел под сводом, все услышали. На месте идиллии проступила маленькая, но невероятно детальная картинка: некогда густой лес сейчас выглядел ободраным — редкие деревья торчали среди широких просек и черных пней, а сквозь поредевшую крону местами проглядывала земля. Иван отдернул руку, испуганно залепетал:

— Ой! Ой, это я нечаянно! Надеюсь, не испортил... Вы не смотрите, я все исправлю...

Но было поздно. Все увидели.

Царь перестал улыбаться. Его брови медленно поползли вниз.

— Что за шутки? — произнес он уже без злорадства, голос стал ровным и опасным. — Где лес? Чей это надел?

С лавки поднялся разгневанный думный дворянин Потапов.

— Мой, государь! Но это все вранье! Колдовское наваждение! — закричал он, багровея. — Не верь этой болотной твари! На моих землях все в порядке! Я сам объезжал! Вот смотри!

В ярости и страхе он бросился к коврику и ткнул в то же место своим коротким, толстым пальцем, желая стереть, опровергнуть позор.

И случилось то же. Только теперь уродливая картинка держалась дольше, не желая исчезать. Она висела в воздухе, обличающая и немая. Боярин отпрянул, как от раскаленного железа.

Царь медленно поднялся с трона. Лицо его было непроницаемо, но в щеках играли желваки.

— Каждый сейчас подходит к ковру и касается своего надела, — таким ледяным тоном приказал он, что даже по моей холодной коже мороз пробежал.

Придворные зашептались. Охваченные паникой, они потянулись к полотну, к своим владениям. И всюду, куда падало прикосновение виновного, прекрасная ложь гасла, показывая правду — большую или малую, но всегда уродливую. Ковер гудел, как встревоженный улей, вспыхивая то там, то здесь пятнами разорения.

Царь наблюдал в гробовом молчании. Все злорадство испарилось, осталась лишь кипящая ярость.

— Довольно.

Он подошел к ковру, тяжелым взглядом заставил всех отступить и положил свою царскую ладонь на мое творение. Провел рукой от края до края.

Вся картина под его рукой потемнела и переродилась. Растворились золотые нивы, остались только полоски пашни. Исчезли полноводные реки, проступили пересыхающие русла. Леса превратились в пеньковые пустыри, дороги — в разбитые колеи. Он одним движением стер глянцевую красоту и увидел свое царство. Настоящее. Ограбленное.

Еремей убрал руку. Иллюзия не вернулась.

— Так, — царь повернулся к бледному стрелецкому Голове. — Подготовить лошадей. Мне и всем... этим. Ковер взять с собой. Будем сверять.

Он не договорил, что будет «потом». Все и так поняли.

Царь сделал шаг к выходу, но на пороге обернулся. Выразительно посмотрел на ошарашенного Ивана и на меня, скромно сидящую у него на плече. В глазах царя не было ни злобы, ни признательности. Он вышел, уводя за собой толпу обреченных. Гулкий топот сапог затих в коридорах. В тронном зале остались только мы да оглушенные, перепуганные придворные, боящиеся пошевелиться.

Иван медленно выдохнул. Он посмотрел на присутствующих, потом на дверь, куда ушел отец.

И что-то подсказывало мне, что это лишь затишье. Я понимала, что с этого момента моя игра вышла на новый, непредсказуемый уровень.

Глава 12

Иван-царевич

«Боги, что Василиса наделала?» — я ускорил и без того быстрый шаг.

Если батюшка во время поездки убедится, что ковер не лжет, он станет еще упрямее в своем желании женить меня на болотной Владычице. Подчинить Топи станет для отца делом принципа и дальнего умысла. Боярская жадность растет с каждым днем, требуя все больше ресурсов. Вернувшись, вряд ли они проникнутся поротыми задницами и остановятся — только усилят давление на царя, а тот в ответ втройне будет давить на меня. Он сделает все, чтобы квакушка проиграла, а я отправился на болота. И никакая волшба Василисы в последнем испытании не поможет.

Волшба...

Меня окатил ледяной душой холод. Мысли помчались с соколиной скоростью. Стоп, без паники. Я начал перебирать факты, как опытный дьяк раскладывает бумаги по полкам.

Первый факт: моя стрела попала прямо в Топи — место, куда ни один здравомыслящий лучник не станет целиться. В Топи, где правит могущественная и, похоже, обиженная Владычица. И там меня «случайно» встречает говорящая лягушка, которая не просто квакает, а нагло настаивает забрать ее с собой: «Возьми меня, я тебе пригожусь».

Второй. Пока она пекла каравай, я, как одурманенный, проспал весь процесс. Ковер ткала — и снова без свидетелей. И не просто ковер, а обличительное зеркало всему моему царству. Такое не просто так делается. Такое делается с целью. Какой и чьей?

Третий. Все, что она говорила — о жадности, о боли земли, о том, как «у них, в Топях» все по-другому и за друг друга горой. Это пахнет речью, голосом тех, кого обижают. Голосом... нет, не может быть. Неужто квакушка подслана Владычицей Топей? Гром в тронном зале — полноценный аргумент «за». Облако за нее заступилось. Ну-ну... Если я прав, все разом встает на свои места.

Болотная повелительница решила внедрить свою разведчицу в Тридевятое царство, приставив ее к царевичу-дурачку — к тому, на кого все давно махнули рукой. Идеальная маскировка. Кто будет всерьез воспринимать лягушку?! Я горько усмехнулся, вспоминая наше знакомство и свою необдуманную радость. И перед отцом ее выгораживал... Иван-дурак, и есть.

Я вдохнул-выдохнул и скосил глаза на беззаботно глядящую вперед лягушку: «Какая же у тебя здесь цель, суженая моя? Если все так, как я думаю, то твоя игра в разы сложнее и опаснее моей».

Еще один глубокий вдох-выдох.

По большому счету, главный вопрос сейчас не в том, кто квакушка такая. Вопрос в том, на чьей она стороне на самом деле. На стороне Владычицы — безусловно. Но чего хочет сама Владычица? Отомстить? Тогда я знаю, за что — ковер показал состояние лесов и рек. Василиса рассказывала, как гневается ее повелительница на такое отношение к дарам природы. Захватить трон? Сомнительно — зачем ей наши истощенные земли? Или найти слабое место и использовать его в своих целях?

Я сжал переносицу. Боги, мало мне забот с плетением управленческих кружев в тени отцовской власти, теперь еще и эта головоломка.

И тут меня осенило. А что, если обернуть ситуацию в свою пользу? Использовать квакушку как ключ к переговорам с той, на ком батюшка так упорно хочет меня женить?

Теперь игра обретала новые грани: я играл роль для отца, теперь я — фигура и в ее игре, а она — в моей. Интересно, каков ее следующий ход? И как сделать так, чтобы мы оказались по одну сторону доски?

В этой запутанной партии каждый ход мог стать решающим, и от правильного ответа зависела не только судьба моего престола, но и будущее всего царства.

Я вновь покосился на свою квакушку. Она продуманно играет для меня, я — для нее и окружающих.

— Иванушка, чего закручинился? — озабоченно спросила с плеча квакушка.

Я тяжело и нарочито громко вздохнул.

— Батюшка злой вернется, порку устроит боярам. Они с нее дюже злые становятся. Потом указы глупые ему несут да подписать их уговаривают.

— Это значит, он их уже не первый раз ругать будет?

Я покачал головой, а по сердцу полосонула боль. «Не первый, только им все, как с гуся вода. Убедят его, что на самом деле о царстве заботились, о батюшкином благополучии, он и поверит», — горько подумалось мне.

— Эх, Василис, — вздохнул я, снова начиная разговор. — Хороший у тебя ковер вышел. Настоящий такой. А ты... батюшке перо волшебное сделать не могла бы?

— Перо? — с легким недоумением отозвалась она. — Какое еще перо?

Я запнулся. «Которое не даст соврать тому, кто им пишет» — так и рвалось с языка. Но нельзя.

— Ну, — замялся я, изображая, что сам плохо понимаю свою дурацкую мысль, — чтобы он им бумаги подписывал. И если бумага неправильная, вредная... перо бы в руке у него... ох, не знаю... поежилось? Или писать, например, отказывалось? А то он вечно головой мучается — подписывать не подписывать.

Я изобразил искреннюю, глуповатую заботу. Вопрос для меня и царя был жизненно важен — можно ли вложить магию совести в орудие власти?

— Для... бумаг? — опешила Василиса.

— Ну да! — воодушевился я. — Чтоб если боярин неправду в грамоте написал, а перышко изворачивается в руках или не пишет. Чтобы батюшка сразу видел: «Ага, этот меня обманывает!»

— Иванушка, — в ее голосе прозвучало изумление, смешанное с усталой нежностью. — Перо — оно же мертвое. Оно из птицы взято, высушено, очинено. Оно помнит полет, а не правду. Правда — она в сердце пишущего живет, а не в перьях. Такую магию не сделать. Ее в себе растить надо.

Это был красивый и окончательный отказ. «Значит, нельзя создать правдозор, о чем царь так давно мечтает. Магия не работает с намерениями напрямую, только с их материальными последствиями. Значит, путь один — менять сами намерения».

— В сердце растить... — я повторил за ней, притворно задумавшись. — У бояр, поди, сердца для правды тесны стали. Ладно, не будем о грустном. Пойдем, я тебе в библиотеке перо жар-птицы покажу — настоящее, оно в золотом ларце лежит!

Глаза Василисы от удивления округлились, в них засверкал ярый азарт. А вот это любопытно! Что же ты, моя квакушка, от него хочешь?

Глава 13

Василиса

Утро было тихим, как опустевший кувшин. Я сидела на подоконнике, наблюдая, как двор просыпается без своего грозного хозяина. Дверь скрипнула.

Иван вошел, держа в руках две чашки с парящим настоем.

— Доброе утро, суженая, — сказал он, ставя одну передо мной. — Мятный, с медом. Говорят, лягушкам полезно.

Он сел напротив, отхлебнул из своей чашки и облегченно вздохнул.

— Тишина-то какая... Словно и нет дворца. Прямо как у вас на болоте поутру, наверно? Только кваканья не хватает.

Он начал с погоды. Потом перешел на фрукты в саду, на то, как ворона на сосне гнездо свила. Простодушная болтовня, из которой я, однако, выловила одну деталь: он очень наблюдателен.

— А тебе не страшно было? — вдруг спросил он, как бы между делом, глядя в свою чашку.

— Чего? — настороженность в моем голосе все же квакнула.

— Ну, болото покидать. Своих. Я вот иногда думаю — ну как они там, мои Топи, без меня? — Он самодовольно хмыкнул, словно сказал глупость. — То есть, не мои, конечно... твои. Наверное, там у каждой квакушки свое местечко есть, привычное. А ты свое бросила.

Он говорил легко, словно просто болтал. Но что-то в его расслабленности меня напрягало.

— Не бросала, — парировала я. — Я же не на край света ушла. От Топей и до дворца — рукой подать, для тех, кто умеет ходить по туманам.

— По туманам? — он поднял брови с наивным восхищением. — Вот это да! Значит, в гости к себе можешь сгонять, когда захочешь? Проведать... свою Владычицу? Я, когда в Топи шел, под моими ногами тоже туман струился. Сизый, красивый. Так и манил идти по его следу, — Иван ностальгически прищурил глаза, всматриваясь в далекие виды из окна.

Я бросила на него мимолетный осторожный взгляд и сделала вид, что отряхиваю лапку.

— Зачем ей мои визиты? У нее своих дел выше макушки. Да и не царское это дело — по болотам шляться. Я вроде твоя невеста.

— Это верно, — кивнул он, но я заметила, как его глаза сузились на долю секунды. — Только вот что-то я думаю... Имя-то у тебя красивое, но не лягушачье. Василиса. Ты сама его себе выбрала?

Заданный вопрос был не праздным. Он меня прошупывал. Теперь его игра была видна невооруженным глазом. Тавлеи на верхней полке шкафа все-таки не только для дьяков.

Какой острый вопрос. Иван ткнул им в самое уязвимое место моей задумки — в имя.

— Так оно и не мое, суженый, — небрежно отмахнулась я. — Мое ты не выразишь. А это... Услышала как-то, как путники в болотах кричали: «Василиса, держись!» — да и приглянулось. Лучше же, чем просто «Квакушка», правда?

— Правда, — он улыбнулся, но улыбка не дошла до глаз. — Красиво. Буду всем говорить, что моя суженая — заколдованная злодеем Кощеем царевна. Прямо как в сказке.

— Точно! Поцелуешь — расколдуешь, — рассмеялась я, украдкой следя за реакцией Ивана.

Тот встрепенулся.

— Василиса, ты не шутишь? Давай проверим! — воскликнул он с преувеличенной, дурацкой прытью и тут же потянулся ко мне. Его движение было неловким, но взгляд, скольз-

нувший по моей лягушачьей коже, был быстрым и цепким — как будто он искал не магические изменения, а мою реакцию.

Я отпрыгнула от него, как ошпаренная.

— Иван! Еще чего не хватало. Вот станешь мужем по всем правилам, тогда... может, и поговорим. А сейчас на эту тему болтать непристойно, — нахмурилась я.

Тот сразу сник.

— Прости, Василиса, дурака, — делано повинился царевич, понуро опустив голову. Но уголок его губ, как мне показалось, дернулся. — Впредь буду следить за языком. Не обижайся, а? Пойдем лучше, я тебе царский сад покажу. Там столько диковинок есть, что и за год не рассмотреть!

Он встал, протянул руку с прежней простодушной улыбкой. Я, все еще взволнованная, забралась на плечо. Но тишина между нами теперь была иной. Она была наполнена невысказанными вопросами и аккуратными полуправдами. Он не получил четких ответов, но, кажется, заподозрил, что я не проста. А я должна быть осторожнее. Этот «дурак» куда проницательнее, чем кажется. И его простое «любопытство» может оказаться самым опасным оружием при дворе.

Сад и впрямь был царским: ухоженные аллеи, фонтаны, клумбы с цветами невиданных форм и расцветок. Но чем дольше мы гуляли, тем сильнее сжималось мое сердце.

— Смотри, Василис, — ткнул Иван пальцем в идеальную пирамиду из ярко-красных цветов. — Розы заморские. Их специально из-за моря везли, чтобы здесь росли. Красиво?

— Очень... аккуратно, — выбрала я слово, глядя на кусты, подстриженные в одинаковые шары. — У нас в Топях цветы так не растут.

— А как?

— Как хотят. Где упало семечко, там и всходит. Получается... живой узор. Неидеальный, но настоящий.

— Настоящий... — протянул он, и вдруг его взгляд стал рассеянным, будто он считал что-то про себя. — А эти, заморские, они же без нашей помощи тут сдохнут. Им и землю особую готовили, и укрывали от морозов...хлопотное дело.

— Зато результат налицо, — парировала я. — Все ахают. Никто не ахает над болотным иван-да-марьей, хотя он и лекарство, и красивый.

— Да ну? — Иван обернулся ко мне, и в его глазах вновь вспыхнул тот самый, ненастоящий, но цепкий интерес. — А от чего он лечит?

Мы говорили еще долго, но каждый разговор уплывал в сторону сравнений: «у вас» и «у нас». Он ловил каждое мое слово о Топях, а я ловила его внимательный, слишком умный взгляд, который он тут же прятал под маской простодушного любопытства. Он мастерски уходил от прямых ответов, ловко переводя тему на «гляди, какая птичка» или «ой, камушек интересный». Это искусство было впечатляющим и пугающим.

Кто же ты на самом деле, Иванушка? Просто наблюдательный чудак? Или что-то большее?

Когда солнце начало клониться к закату, мы направились обратно. У дверей покоев нас поджидал глашатай, бледный и торжественный.

— По указу царя Еремея! Завтра, с заходом солнца, состоится невестин пир! На нем всем надлежит явить свое истинное умение и суть! Да будет явлено искусство в танце и благородство в обхождении!

Не дав нам и слова вымолвить, он скрылся в полутьме коридора.

Глашатай тут же растворился в пустом коридоре, а мы с Иваном застыли, как статуя. Танцевать?? Ну, Еремей! Если думаешь, что я проиграю, ошибаешься! Я спляшу, но после и ты у меня попляшешь!

Глава 14

Иван-царевич

Я шел к тронному залу, а у самого поджилки тряслись. Василиса ушла утром, попросив и в третий раз ей довериться. Дважды она переиграла отца на его же шахматной доске, и эта память теплилась надеждой, что и сейчас она не дрогнет. Но... Всегда есть это проклятое «но», скребущее когтями душу. Танцы. Отец пошел ва-банк, взметнув ставки до небес. Он не отдаст победу какой-то квакушке. Костями ляжет, но не отдаст. Слишком ценный приз для него — моя женитьба на территориях Владычицы Топей — маячил на горизонте, ослепляя его властолюбивые очи.

Я тряхнул головой, отгоняя дурные мысли, и, медленно выдохнув, прошептал: «Надеюсь, Василиса знает, что творит». Иначе нам обоим несдобровать. Моя участь предрешена, но какую цену он назначит ей — большой вопрос.

Перед самым входом в большой зал я взял себя в руки и натянул на лицо привычную маску Иванушки-дурачка.

Гости — почесывающие поротые задницы приближенные бояре — хмуро поглядывали на довольного царя и перешептывались, словно воронье перед грозой. Я сел на свое место. Высокий стул рядом пустовал. Квакушки не было. Сердце бешено колотилось в груди, словно птица в клетке. Периферийным зрением я уловил пристальный, пронзительный взгляд отца. Он ждал моего провала и своего триумфа. Не придумав ничего лучше, я поднял кубок, до краев наполненный вином, за его здоровье. Царь усмехнулся и едва заметно кивнул. Из моей груди вырвался вздох облегчения, тут же сменившийся колючим напряжением. Где ты, Василиса?..

Отец же ждать и давать мне шанс не стал. Глашатай громогласно хлопнул в ладоши, и по молчаливому знаку отца началось представление.

Со своего места поднялась невеста старшего брата — надменная боярыня. Ее танец был вычурным, броским, словно крик павлина, но свидетельствовал о добротной выучке. За ней вышла купчиха, источая ароматы заморских благовоний. Она отбила какую-то заморскую, непонятную, но энергичную пляску, чем вызвала одобрителный гул в зале. Царь кивал, местами даже позволял себе улыбку, но его пальцы барабанили по подлокотнику трона, выдавая нетерпение.

Купчиха вернулась на свое место, а мое сердце уже стучало в горле, грозясь вырваться наружу.

Царь с победным взглядом повернулся ко мне, но сказать ничего не успел. Дверипахнулись, словно от удара стихии.

На пороге стояла ОНА. Женщина неопиcуемой красоты, от которой захватывало дух. Высокая, стройная, но не хрупкая, а исполненная внутренней силы, с высокой грудью и тонким станом, обтянутым простым, странно мерцающим сарафаном, словно сотканным из лунного тумана. На груди лежала тяжелая, темно-медовая коса, а голову украшал изумрудный кокошник. Большие глаза на безумно красивом, серьезном лице смотрели только на меня, прожигая душу насквозь.

«Василиса? Нет... Не может быть...». Мысли ошалело замерли в голове. Кровь ударила в виски, горло перехватило. Она... не лягушка!

Эта мысль заставила меня встрепенуться и вспомнить о себе еще кое-что. То, что я всячески загонял глубоко в себя, заставляя себя всеми способами сосредотачиваться на государственных делах.

Мой взгляд скользнул по залу — по ошалевшим, обалдевшим ромам бояр, по жадным глазам братьев, по заиндеветшему, остро заинтересованному взгляду отца. Ледяной холод пробежал по спине, руки сжались в кулаки.

Василиса только моя! Я ее никому не отдам. Даже несмотря на все накопившиеся вопросы с горьким привкусом обмана.

Моя суженая, прекрасная пава, медленно прошла в центр зала, словно солнце, разгоняющее туман. Зал смотрел на нее с придыханием, словно замороженный. Еще бы! Она же сейчас будет танцевать! От накрывшей меня внезапной, жгучей ревности хотелось зарычать, словно зверь, и заслонить ее от всех этих похотливых взглядов.

Но Василиса будто не замечала никого. Она смотрела только на меня с такой улыбкой, от которой хотелось подняться с места и бежать ей навстречу, забыв обо всем. А я... я чувствовал, как рушится вся моя старая жизнь. Карточный домик «Иванушки-дурачка». Все мои хитросплетения. Все.

Она прошла в центр зала и величественно остановилась, как королева, вступающая во владения. Подняла подбородок, обвела гордым взглядом онемевших зрителей и снова посмотрела на меня. Я ошалело замер.

Василиса плавно и грациозно, словно лебедь плыла по хрустальному озеру, закружилась в танце, очаровывая всех вокруг. В какой-то момент она взмахнула рукой — и в зале запахло водой. Свежей, речной, настоящей, словно я снова оказался в детстве, у лесного ручья, где прятался от строгих нянек. Перед глазами встал его образ, словно призрак давно ушедшей радости. Ведь самого ручья уже там давно нет.

Посреди зала в воздухе нарисовалось знакомое до боли, кристально чистое озеро...

— Серебряный пруд, — с болью процедил царь-батюшка и на мгновение закрыл глаза, словно ему открылась картина давно утраченного счастья.

Василиса тем временем продолжала свое движение, подчиняясь невидимому ритму. Ее рука все так же плавно взметнулась к потолку, и с него, словно по волшебству, из ниоткуда, на зеркальную гладь слетели два ослепительно белых лебедя. Они сели на воду и поплыли рядом, шеи сплелись в нежном переплетении. В зале кто-то всхлипнул, тронутый этим видением. У меня в горле встал ком, словно в него насыпали горсть песка. Было в этой картине что-то такое... правильное, что ли. Так, как должно быть. Верность. Союз. Тихое счастье, о котором я даже не смел мечтать.

Василиса вернулась в центр зала и замерла, выразительно глядя на меня, словно пронзая насквозь. Ее глаза спрашивали: «Видишь? Понимаешь?»

Я видел. Боги, как я видел! Это было не волшебство для забавы, не для увеселения толпы. Это было видение будущего нашего царства, которое возможно только если...

Мои спутанные мысли прервали скупые аплодисменты царя, звучащие в молчащем зале словно набат.

— Bravo, — его голос гремел в гробовой тишине, как раскат грома. — Вот оно! Вот истинное богатство, сокрытое в ее душе! Сила творить такое! Эта сила должна служить царству!

От восторженного тона царя по моей спине побежали струйки ледяного пота. В груди у меня все оборвалось и похолодело.

— Сын мой. Ты молодец, выполнил долг — привел ее ко двору. А теперь твоя очередь отправиться в Топи и взять в жены ту, что даст нам соки этих земель. А эта волшебница останется здесь. Ее место — при мне, при моем троне.

Тишина в зале стала еще гробовее, и через какое-то время в ней тут и там начал раздаваться ропот одобрения от царских подхалимов.

От этих слов у меня все внутри перевернулось, взорвалось яростью и гневом. Все мои планы и продуманные стратегии начали гореть в пламени абсолютного несогласия с решением отца, словно ненужная ветошь. Забыв о том, кто я для окружающих и для царя, я быстрым шагом подошел к Василисе и закрыл ее собой.

— Царь-батюшка, ты объявлял испытание для невесток своих *сыновей*, — мой голос тихий и стальной. — Квакушка здесь как моя невеста, избранная тобой же. Твое слово и наши традиции на моей стороне. Ты не можешь перечеркнуть все одним лишь словом.

Царь властно откинулся на спинку своего трона.

— Законы? Традиции? — мягко переспросил он, словно играя с кошкой. — Они для того и существуют, чтобы их мудро толковать на благо царства, как звезды, направляющие корабль в ночи. А благо Тридевятого царства сейчас — в важном союзе, который может принести нам неисчислимые богатства. Если твоя... квакушка, — он благосклонно кивнул за мою спину, — на многое способна, очевидно, ее Владычица, чья власть простирается над Топями, еще более могущественна. Твой брак с ней укрепит нашу власть над этими землями. А моя женитьба... на этой дивной гостье, — его хищный взгляд скользнул по Василисе, как змея, выбирающая жертву, — поможет мне укрепить расположение моего двора и войск. Ты же не будешь оспаривать высшую государственную необходимость, сын?

Я замер. Бросить царю отказ при всех было равносильно подписанию себе смертного приговора. Он не оставил мне выбора. Боль от беспомощности сдавила грудь и голову. Я стоял, заслоняя Василису, и чувствовал, как трещит по швам вся моя налаженная жизнь. Отец мастерски нанес свой удар на том поле, где я всегда его превосходил в тактике. Словно ставя жирную точку на моем сопротивлении, царь сошел со своего трона, подошел к молчаливой Василисе и галантно подал ей свою руку, чтобы проводить за стол. Та поклонилась и молча прошла за ним.

Я наблюдал за тем, как уходит моя суженая, и пытался сохранить внешнее хладнокровие, в то время как гнев рвался наружу, подобно дикому зверю, загнанному в клетку.

И тут до меня дошло. Холодной, ясной волной.

Отец прав в одном — законы толкуются по выгоде. Василиса показала себя не только красивой, но и волшебной-полезной. Отец не отступится от нее. Будет цепляться за каждую букву указа, чтобы добиться своего. Нужно сделать так, чтобы он сам от нее отказался. Нужно лишить ее полезности в его глазах.

«Ты прав, отец, оспаривать государственную необходимость я не буду. Я буду оспаривать личную, батюшка! Но Василису я тебе не отдам!»

Пока весь зал с умилением провожал идущую за стол пару, я развернулся и быстро покинул трапезную.

Войдя в ее комнату, я принялся искать источник ее чародейства. Что-то же должно быть в конце концов? И в изголовье кровати я обнаружил резной ларец, украшенный замысловатым орнаментом. В нем лежала переливающаяся изумрудным светом лягушачья шкурка. Сердце гулко забило об ребра. Вот он — источник ее волшебства! Так вот в чем сила моей квакушки! Если Василиса ее лишится, отец потеряет к ней весь интерес. Беспольная она ему будет не нужна. С этим простым осознанием я метко бросил шкурку в печь. Огонь жадно лизнул подачку, словно голодный зверь, и она вспыхнула сухим, зеленым пламенем, на миг заполнив комнату запахом увядающих кувшинок и свободы.

Пока я смотрел, как тлеют последние угольки, дверь распахнулась, и в нее влетела разгневанная Василиса.

— Что ты наделал, суженый? Неужто ты думал, что я способна тебя предать?! — ее глаза застилала боль. — Всего три дня! Три дня терпения, Иванушка, и мы были бы вместе. Но ты своими руками сжег наше будущее, суженый. Прощай!

Она закрыла лицо руками и превратилась в сизый туман. Он ударил мне в лицо и исчез в открытом окне комнаты.

А мое сердце почти остановилось. Впервые за последние десять лет я совершил необдуманный импульсивный поступок от страха. И потерял ту, которую полюбил всей своей скупой загрубевшей душой.

Глава 15

Василиса

— Этот Иван-дурак сжег мою шкурку! — рявкнула я в ответ на молчаливый вопрос Кощей, опешившего от моего внезапного возвращения.

— И что его подвигло на такой неумный поступок? — с непроницаемым выражением лица поинтересовался Кощей и отложил пишущее перо.

— Ревность, Кощеюшка, — развела я руками. — Он как меня в истинном облике увидел, онемел. Я ему всем видом показывала, что для меня в притихшем зале, кроме него, никого нет. Так нет. Как вышивку изумрудную на груди увидел, так и разум потерял. Брови по-хозяйски свел, грудь колесом выпятил, поперек отца выступил... Дурак и есть! Хоть бы мозги включил.

— А он голову, — съязвил Кощей и откинулся на спинку стула. — Ну, его сложно судить, Василиса. Статью ты удалась. А чего он с отцом не поделил?

— Не поверишь... меня. Еремей решил сам на мне жениться.

Я плеснула в кубок ледяной родниковой воды и жадно отпила. Живительная влага обожгла горло, умирив клокочущее возмущение.

Мой верный Советник сидел с задумчиво-саркастичным выражением лица.

— И ты сбежала от такой удачи?

— То же мне удача, — фыркнула я, грациозно занимая свое место за резным столом. — Я не сбежала, я хотела все по уму устроить. Разработала план. Но этого ревнивого идиота не учла. Еремей во мне выгоду увидел, а красота моя — лишь приятное дополнение. Думала, покажу ему все прелести и недостатки, и он сам меня Ивану с радостью сплавит. А этот дурак все мои планы в труху превратил! — Я замолчала, сердито барабанила пальцами по столешнице, а потом взорвалась: — Да что это за мужики такие, а? Увидят красивую женщину — и ну давай соревноваться в идиотизме! А ты все время ворчишь, что я лик свой показывать не желаю, за лягушачьей шкурой прячусь. Да вот поэтому! А этот гад не просто шкурку сжег, а парадно-выходную! Бестолочь царская.

Слушавший меня вполуха Кощей не на шутку встрепнулся.

— Это ты теперь Туманами ходить не сможешь?

— Конечно! А ты думал, чего я возмущаюсь? — хлопнула я рукой по столешнице.

— Думал, чего ты добиться хотела, когда так наряжалась? Будто первый раз в свет вышла и не ведаешь, как на тебя смотреть будут, — сухо произнес Кощей, и в глубине моей души кошки заскреблись.

Он прав. Знала. Но почему-то надеялась, Иван не такой. Я буквально нутром эти дни чувствовала, что нравлюсь ему настоящая, зеленая и квакающая. Захотела убедиться, что ему можно верить и доверять.

Не убедилась...

«Эх, Иванушка... А ведь ты первый, на кого я с симпатией смотрела». В сердце кольнуло разочарование.

— Понравился? — тихо и как-то непривычно мягко спросил Кощей, возвращая меня из омута горестных дум.

Я деланно нахмурилась, бросив на него воинственный взгляд, но натолкнулась на искреннее сопереживание, отцовскую теплоту.

Память тут же подкинула день нашей далекой встречи.

— Что ты в этих мертвых землях забыла, девочка? — раздался за моей спиной суровый голос.

Я вздрогнула, сжимая в ладошке мамино последнее семечко. Обернулась — передо мной стоял седой старик, похожий на древнее дерево.

— Земля плачет... — прошептала я. — Я хотела, чтобы хоть что-то живое здесь выросло.

— Она не плачет. Она спит, — усмехнулся он, но в его усталых глазах мелькнул интерес. — Кто ты?

Слезы сами потекли по моим щекам.

— Я... Моя мама была хранительницей Топей. Все пользовались ее добротой и безотказностью, пока не сломали. — Голос дрогнул. — Перед уходом она велела мне любить и беречь землю. Чтобы та не страдала от своих же детей. Я... я просто хотела исполнить ее волю.

Старик смотрел на меня, а потом неожиданно опустился на одно колено, сравнившись со мной ростом.

— Дети порой бывают очень жестоки, — печально произнес он. — Ты — достойная дочь своей матери, раз пришла в мертвые земли, чтобы исполнить данный ей обет. Но быть добрым нужно уметь, девочка. Доброта без силы губительна.

Он мягко коснулся моих волос.

— Тебе нужна сила и жесткий характер, чтобы защищать то, что дорого. Одна ты не справишься. Пойдем. Я научу тебя быть не хранительницей, а Владычицей. Чтобы больше никто не посмел причинить боль ни тебе, ни твоей земле.

Я молча приняла протянутую руку. Не потому, что перестала бояться. А потому что в его строгих глазах было какое-то особое... схожее с отцовским тепло.

Кошечка я никогда не обманывала и не собиралась. Подняла на него виноватый взгляд и горько вздохнула. Ну, что тут скрывать? Понравился...

— А что толку? — буркнула я и отвела глаза.

— Толк мы придумаем, не переживай, — Кошечка внезапно довольно ухмыльнулся. — Пустим слух через леших да кикимор, что я тебя украл и в глубокой пещере спрятал.

— В гробу хрустальном? — хихикнула я.

— Не о том думаешь, Василиса, — Кошечей нахмурился, но в глазах его плясали озорные искорки. — Заодно к Вечному Дубу по пути заглянет. Чтоб зря сапоги не снашивал. Должна же быть от него хоть какая-то польза, а не только безмозглый вред?

Я ахнула.

— Он же у этого Дуба и поляжет!

— Если и впрямь дурак, то поляжет. Василиса, по дураку страдать — себя не уважать, — отрезал Кошечей. — Нам умный мужик нужен. Да и царство его отца тоже не в царь-дураке нуждается. Пусть посмотрит, на ком оно держится на самом деле. Увидит разницу между казной и простым народом. Может, чему полезному у него научится. Думать, например, прежде чем делать.

План был рискованным, но справедливым. Либо Иван проявит ту самую смекалку, на которую я наивно надеялась, либо... он мне и не нужен. Слова Кошечей были безжалостны, но истинны по своей сути: «Страдать по дураку — себя не уважать».

Я подняла на своего наставника уверенный взгляд и твердо кивнула. Кошечей плохого не посоветует. Говорят, его в народе «Бессмертным» зовут. А для меня он — бесконечно мудрый.

Глава 16

Иван-царевич

Я должен ее отыскать. Пусть она потом меня хоть утопит в своем болоте!

Ее танец стоял перед глазами, словно наваждение. И взгляд, устремленный только на меня. Теперь я с ясностью осознавал: Василиса просила довериться. Как и прежде. А что сделал я? Предал ее доверие огню. И ведь не ради власти или выгоды! Ради жалкой, ничем не подкрепленной ревности к отцу. Гнев на себя поднялся черным комом, обжигающим и горьким.

Василиса... она была живой. Несмотря на квакушью шкурку, на колдовство, на все свои тайны. В ее боли за высыхающие Топи было больше чести, чем во всем нашем своде законов. В ее честном ржаном хлебе — больше заботы, чем во всех отчетах бояр о «благоденствии подданных». Она пришла с только ей ведомой загадочной целью, плохого не делала. Лишь глаза нам всем открыла. Даже мне — тому, кто всю свою взрослую жизнь притворялся дураком, чтобы спокойно править Тридевятым царством из тени, заботился о нем, проблемы решал, которые эти... властолюбцы создавали. Думал, что умный. А оказалось, и впрямь Иван-дурак.

Достаточно. Столько лет я играл в бирюльки с государевым именем, латал дыры, которые они драли. Ради чего? Чтобы в итоге самому стать таким же — слепым и жадным до своего, до чужого? Нет. Пусть старший получает этот золоченый сундук с крысами. Пусть отец давится своей «пользой».

А я пойду за моей Василисой — зеленой, с насмешливыми глазами, умеющей слушать, как ругаются птицы. Хоть босиком по всем Топям, хоть в самое пекло. Хоть к самому Кощею в гости.

Отыскав большую котомку, я начал быстро запихивать в нее все самое необходимое для похода.

Дверь в мои покои распахнулась с грохотом. В проеме стоял отец, а за его спиной маячили недовольные братья.

— Где твоя квакушка? — прогремел отец. — Куда она делась?

— Сбежала, — зло бросил я, продолжая собирать свои вещи.

— Куда сбежала? Почему? — казалось, из ноздрей отца вот-вот повалит дым. Брови на переносице яростно сошлись, кулаки сжались до побелевших костяшек.

— Не доложила, царь-батюшка. Может, тебе известно? Ведь от тебя же сбежала, — язвительно поинтересовался я. После его наглого фарса с «женитьбой» на моей суженой, относиться к нему с прежним смирением стало невозможно. Любому терпению приходит конец.

— Да как ты смеешь так со мной разговаривать, юродивый?! — взревел отец. — Батогов захотел?!

— Как прикажете, — я повернулся к нему всем телом, закинул котомку на плечо и бесстрашно встретил его взгляд. — Мне больше не страшно, царь-батюшка. Я, вроде как, дурак. А дуракам ничего не страшно.

Отвесив небрежный поклон, я направился к двери, но отец преградил мне путь.

— Куда ты собрался?

— Тебе не все равно, царь-батюшка? — не сдержал я сарказма. — Пойду, куда глаза глядят. Корона твоя мне не по чину, а вот воли захотелось. Может, где мою суженую повстречаю. Могу поклон от тебя передать.

Стоявшие позади братья ахнули от моей дерзости.

— Батюшка, может, стрельцов позвать? А то Иван совсем распоясался, — проворчал старший, но царь, казалось, не услышал его слов.

Он прожигал меня испепеляющим взглядом, будто увидел во мне нечто чуждое и опасное.

— Найдешь – сюда приведешь. Она станет моей женой. Такова моя воля.

Я взглянул на царя – на того, кто видел в кудеснице-Василисе лишь «пользу», – и вдруг искренне, по-дурацки улыбнулся.

— Не выйдет, батюшка. Она ведь не из тех, кого можно привести. Она — как погода. Или как правда. Ее можно только заслужить. Или дожждаться. А вам, кажись, ни того, ни другого не видать.

Пока царь переваривал мою речь, я вскинул котомку на плечо и вышел на поиски своей квакушки.

Первым делом я решил навестить Ягу. Уж больно меня поразил мой талант стрелы каленые за тридевять земель запускать, да так, чтобы «они никуда не попадали». Раз она приложила руку к моей встрече с Василисой, значит, у нее был свой интерес. Вопрос только, какой?

Когда я добрался до полянки Яги-Ягини, тьма стояла кромешная. Да и лес этому всячески способствовал. Прежде в это время в чаще была тишина, будто сама природа отходила ко сну. А сейчас в нем творилось что-то неладное. Птицы шумели, пеньки возникали прямо из-под ног, шишки больно били в спину, ветки цеплялись за лицо. Первую мысль, что лесный разгневался, отбросил. Подарок-то ему при входе на высоком пне лежит.

К избушке я подошел уже изрядно потрепанный и с расшатанными нервами.

— Избушка-избушка, встань к лесу задом, ко мне передом, — прохрипел я, отряхиваясь от лесного мусора.

Жилище Яги закрипело и медленно развернулось. Дверь со скрипом отворилась, и в проеме, держа в руках свечеч, показалась моя мудрая наставница.

— Гляди-ка, Иванушка-дурачок! — усмехнулась хозяйка. — Чего пришел на ночь глядя? Пораньше не мог? Я уже поужинала. С утра приходи, на завтрак.

Беззлобно побурчала старушка и развернулась, чтобы зайти в избу.

— Я тоже рад тебя видеть, Яга-матушка. Специально время подгадывал, пока по лесу дремучему и разгневанному шел.

— Разгневанному, говоришь? – с прищуром произнесла Яга, полуобернувшись ко мне. – А я-то думаю, чего избу мою ветер качает, с печки чуть не свалилась. А это тебя, недотепу, нечистая ко мне принесла. Переполошила лесных зверей и птиц.

Я смутился.

— Съесть бы тебя, да сыта... – рявкнула Яга, и ее взгляд стал острым, как шило. – Заходи, что ли. Стоишь на пороге, будто сватаешься. Хоть чаю с горечью отведаешь, раз уж пришел с пустыми руками.

Я переступил порог. Знакомая изба встретила меня запахом сушеных трав, дыма и теплых пирогов. Яга тем временем деловито хлопотала у печи, украдкой поглядывая на меня.

— Так-с, — усадив меня за стол и поставив дымящуюся кружку, уставилась на меня Яга. — Выкладывай. По косточкам. С чего это ты, мой тихий да умный хитрец, по лесам пошел с таким лицом, будто тебе миску с похлебкой опрокинули? И главное — один. А где та, зеленая твоя находка? Неужто съел, да желудок не стерпел?

— Я... ее спугнул, — тихо сказал я, глядя в пар от чая.

— Спугнул? — Яга подняла бровь так высоко, что та почти скрылась в седых волосах. — И чем — громким словом? Или, — ее глаза сузились до хитрых щелочек, — каким делом? Я молчал. Стыд снова подкатил комом к горлу. Руки до боли сжали кружку.

— А-а-а... – протянула Яга с таким пониманием, будто только что прочитала всю историю у меня на лбу. – Делом. Ну, конечно. Мужик же. Увидел говорящее сокровище – и решил присвоить. А оно что? Правильно, испарилось. Так что ты там сжег, Ванюша? Мосты? Али нечто поценнее?

Она знала. Она всегда все знает.

— Шкурку ее, — прошептал я. — Лягушачью... Переливающуюся изумрудную.

В избе повисла тишина, нарушаемая лишь потрескиванием поленьев в печи. Потом Яга медленно, с наигранным ужасом в глазах, взмахнула руками, прикрывая щеки.

— Мать-заступница! Да ты не царевич, ты — мастер-бракодел! Шкуру ее! Парадную! Да ее, дурачок, годами выхаживают, заговорами наполняют, в росе семи ключей полощут! Это ж не кафтан, это второе естество! — Яга с силой ударила кулаком по столу и замолчала. А потом голос ее снова зазвучал, сухой и обиженный. — Думала, посмеялся Леший от скуки. Не поверила. А ты, оказывается, и есть тот герой, из-за которого сейчас по всем тропам кикиморы верещат, будто Кощей невесту у царя спер? Весь лес этим трезвоном полон. И что ж тебя, дурака, подвигло-то?

— Отец, — хрипло выдавил я. — Заявил, что сам на ней женится. Я... не выдержал. Не просчитал. Теперь иду ее искать. Чтобы... извиниться. Или просто посмотреть в глаза, если позволит.

Яга пристально смотрела на меня, а потом неожиданно ткнула костяным пальцем мне в лоб.

— Не просчитал он! — язвительно хмыкнула Яга, наливая себе чай. — Весь в родителя. Тоже думает, что все в мире на вес золота можно взвесить да в сундук убрать. Ну, и что теперь? Как искать собрался? По болотам с бубном и молитвой?

— Если надо — хоть в болота, хоть к Кощей, — твердо ответил я.

— К Кощей... — Яга задумчиво покрутила своей клюкой. — Путь не близкий. И не всякий его осилит. Тот, кто идет с пустыми руками и полным сердцем, по пути теряет и то, и другое. Тот, кто идет с полными руками и пустым сердцем, — теряет голову. Что тебе надо оставить, Ваня? И что с собой нести?

Это была не колкость, а настоящая загадка. Проверка.

Я долго молчал, глядя на пар от своего питья.

— Оставить... надо страх. Страх быть дураком. Страх потерять то, чего у меня и не было — место при дворе. А нести... — честно сказал я, поднимая на нее взгляд, — вино. Пустую котомку для ее прощения. И... просьбу о шансе. Больше ничего. Дай только мне, матушка, совет, куда идти?

Лицо Бабы-Яги смягчилось. Она отхлебнула чай, поставила кружку с мягким стуком.

— Совет? Да на тебе лица нет, одна рожа царская! Ты иди-ка спать. На печку. А наутро я скажу, куда тебе дальше путь держать. А то сейчас пойдешь — в первом же омуте утопишься от глупости. Кощей — старый паук, любит, когда к нему в сети по правилам заходят. Без путеводной нити сгинешь на первом же перекрестке. А твоя лягушка... она теперь уж точно не квакушка. Теперь она — буря. И встречать тебя будет соответствующе. Готовься, царевич. Шутки кончились.

Она допила свой чай, и в ее улыбке было что-то одновременно свирепое и бесконечно теплое. Как у матери, которая отправляет сына в первое настоящее, опасное путешествие. Только сейчас я понял, почему мудрецы со всего света ищут избушку на курьих ножках. Не за колдовством идут. За этой откровенностью, которая жжет, как хвойная смола, и лечит, как лесной родник.

Глава 17

Иван-царевич

Разбудила меня хозяйка на заре, едва светать начало.

— Вставай, непутевый, — беззлобно буркнула Яга, толкая меня в плечо. — Умывайся да за стол садись.

Я послушно ополоснул лицо из деревянной кадки в углу и присел в ожидании решения моей хозяйки.

Та молча поставила передо мной дымящуюся чашку с душистой похлебкой и кружку с травяным настоем и с хмурым видом уселась напротив.

— Пока ты рулады на печке выводил, я думу думала, с домовым да с Лешим советовалась.

Зная любовь Яги к премудростям, мое сердце от нехорошего предчувствия глухо ухнуло в груди. Даже ложка в руке на мгновение замерла.

— Правильно боишься, справедливо, — зыркнула на меня исподлобья наставница, и я стыдливо опустил глаза. — Не красней, аки девица на выданье. Стыд не соль, отожгло и отстало, а дело выправлять надо.

Я кивнул и быстро доел завтрак. Яга оценила мое рвение и продолжила свою речь:

— Сразу в Топи идти — смысла нет. Кощей просто так тебе твою квакушку не отдаст. Чтобы ее у него вытребовать — аргумент весомый нужен. А таковой есть только один — Золотая Игла в сундуке, что на Вечном Дубе. Если добудешь, возможно, он и вернешь суженую.

— Что-то я про нее слышал, матушка, — задумчиво произнес я. — Вроде на ее конце его смерть. Ее сломать надо на всякий случай?

— Голову себе сломай на всякий случай! — рявкнула Яга. — Пока думать будешь! Ну, ломаешь, а дальше что? Думаешь, лягушка твоя с небес на тебя сразу свалится что ли? Как с купцами дела вести — ты мастер. Как девку красную заприметил — дурак дураком! — Яга замолчала, давая себе время успокоиться. — Игла в сундуке на Вечном Дубе — это не «смерть Кощей». Это его личное, данное земле обещание, когда он стал ее Стражем. Тот, кто добудет Иглу, получит право на один истинный ответ или на исполнение одного обета, который не нарушит вечного покоя. Тебе нужен этот обет, чтобы Кощей услышал тебя. А не для того, чтобы ты ему угрожал, бестолочь!

Я тяжело вздохнул. Яга права. Точно, бестолочь. Но быть ею больше не желаю.

Яга поднялась и направилась куда-то за печь. Выудила оттуда странный большой узелок.

— Вот. Это тебе в дорогу, — она поставила его передо мной и развязала. — Сапоги — на твоё терпение. Решишь срезать путь — так завязнешь, что и костей не соберешь. И, Ванюша, — она задержала на мне загадочный пристальный взгляд, и по моей спине пробежал холодок. И не зря. — Хлеб — на твою гордыню. Будешь себя жалеть — он в камень превратится. Все, что у тебя есть — это время и своя голова. Больше ничего.

Я нервно сглотнул и взял в руки железный хлеб. Он был холодным и невероятно тяжелым. Не еда, а тяж. И вдруг меня охватила грубая злость на себя. Вот она, плата за мою «дурацкую» ревность — таскать это чертово грузило. Но сам его заслужил. Я резко поднял взгляд на Ягу.

— Хм... благодарю, матушка, за ценные дары и науку. Теперь я многое понял, — я встал и поклонился в пояс.

— Потом поблаговаришь, если живым вернешься, — отмахнулась Яга. — Иди на север по старому тракту. У трех сестер-сосен, что один корень делят, остановись. Слушай, куда шишка упадет. Направо — твой путь. Налево — погибель. А прямо — вечный сон. Гляди, в трех соснах не заплутай — хуже, чем в лесу, в себе самом запутаешься.

Я замер, впитывая каждое слово.

— Дальше — две дороги. Одна гладкая, будто парчовая лента. Другая — кочками да ухабами пошла. Царский сын по парче хожен. А ты, Ванюша, ступай по кривой. По той, что от бездорожья да людского терпения кривизну набрала. Она тебя к людям Топей выведет. Не к тем, что в палатах сказки сочиняют, а к тем, что под открытым небом с правдой живут.

Ее слова про «сказки» больно кольнули.

— Помни, Иван: чтобы Топи понять, надо сначала их людей уразуметь. Они лишь с виду неприглядны. Красота их — внутри, научись ее видеть. К людям заходи не царевичем, а путником. Их хлеб ешь, их боль слушай. Гордыню свою, что железным караваем припасена, на пороге оставь. Дорогу к Водяному у них же и выпроси. Выйдешь к Мшистому пруду — зови Хозяина. Топить будет — не взыщи, проверка у него такая. Выплывешь — спроси дорогу к Сухому Дубу. На нем птица гнездится, что задом наперед летает. Выпроси перо — не силой, а словом честным. Воткни его в тень Дуба на заре. Если тень твою не съест, а повернет — Сухой Дуб Вечным станет, и на вершине его кованный сундук с Золотой Иглой узришь.

Она замолчала, глядя на меня так, будто уже видела все ошибки, которые я совершу. А я лихорадочно повторял в голове последовательный ряд заданий. Три сосны, кривая дорожка, Мшистый пруд, Сухой Дуб, кованный сундук. Ничего не забыл.

Переобувшись в подаренные железные сапоги, я взял все свои вещи, еще раз поклонился в пояс.

— Благодарю, Яга-матушка, что на путь истинный наставила, мозги на место вправила. Не подведу, обещаю.

Яга добродушно хмыкнула.

— Вот и посмотрим, чего твое слово стоит, Иван-царский сын. Ступай уж. А то... я ж еще с утра не завтракала.

Вредная избушка Яги так качнулась в тон своей хозяйке, что я практически вывалился из нее. И, ставя точку в этом визите, наподдала мне хлопнувшей дверью ускорения.

Намек понятен. «Скатертью дорожка» ждать не стоит.

Ну что, где тут дорога к старому тракту?

Глава 18

Василиса

В Топях стояла злая, густая тишина. Не покой, а какое-то болезненное оцепенение. Я не находила себе места. Металась по своим покоям, и каждое зеркало, каждый блестящий предмет напоминал мне о том, как я сверкала на пиру, и чем это кончилось.

Я подошла к резн

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.